

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО СЕМИДЕСЯТЫЙ

1884

М А Р Т Ъ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ШТУНДИЗМЪ. Очеркъ религиозно-бытовой жизни въ Малороссіи. А. Д. Воронова.
- II. БЛУДНЫЙ БРАТЪ. Повѣсть. Гл. XIII—XVIII. К. Орловскаго.
- III. ВЪ ГОСТЯХЪ У ЭМИРА БУХАРСКАГО. (Путевой дневникъ.) Гл. III. В. В. Крестовскаго.
- IV. ФЛОРЕНТИНСКАЯ ОБЩИНА МИЛОСЕРДІЯ. ***.
- V. ДОЧЬ АЛАЯРЪ-ХАНА. Разказъ о трехъ различныхъ воспитаніяхъ. Часть вторая. Гл. I—V. Н. А. Крыжановскаго.
- VI. ПОЛЯКИ, ИХЪ МНѢНІЯ И ТОЛКИ. Р.
- VII. КОРОНА ПАТРИАРХА НИКОНА. Стихотвореніе. К. К. Случевскаго.
- VIII. ВЪ ТРЯСИНѢ БОЛОТНОЙ. Современный жанръ. П. П. Гнѣдича.
- IX. ВОСПОМИНАНІЯ О СКОБЕЛЕВѢ И ЗАНЯТІИ ЮЖНОЙ БОЛГАРИИ. Гл. IV—V. В. В. Яшерава.
- X. САФО. Парижскіе нравы. Гл. I—V. Alphonse Daudet.
- XI. СТИХОТВОРЕНІЯ: * * * „Люблю торжественность осеннихъ вечеровъ“; „Дарвинизмъ“. М. „Музыка“. О. В. Перфильева.
- XII. БИБЛОГРАФІЯ. I. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяць.—II. *Справочный и объяснительный словарь къ Новому Завету*, составленный членомъ Археологической комиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія Петромъ Гальдебрандтомъ.
- XIII. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Дѣло Зографа.—Судебное самообличеніе.—Умственное и нравственное развитіе общества какъ новая функція городскихъ думъ.—Пошлина на привозный каменный уголь.—Священное право убійца.—Галицкая Русь.—Австро-венгерскіе политаки предостерегающіе Россію отъ сближенія съ Австріей, а Австрію отъ сближенія Россіи съ Германіей.

но къ счастью Россіи не можетъ еще проникнуть въ полутемный подвальный этажъ, на сводахъ котораго стоитъ все зданіе.

Не привились и къ молодому Суздальскому идеи социализма. Далеко расходились онъ съ картиной Лейпцигскаго сраженія и съ воспоминаніями возбуждаемыми портретомъ героя убитаго на Малаховомъ курганѣ. Его коснулась другая лъва той же эпохи.

Въ тѣ годы всеобщаго увлеченія новыми идеями видрилось въ обществѣ и въ печати ультра-гражданственное направленіе, не только не признававшее необходимости дисциплины въ войскѣ, но и выставившее къ позорному столбу тѣхъ старшихъ воинскихъ чиновъ которые, вслѣдствіе долгой служебной опытности, не только вѣрили въ необходимость чиновочитанія, но и старались вкоренить его въ подчиненныхъ. Всѣ помнятъ конечно съ какимъ злорадствомъ разказывали журналы что въ звѣрицѣ Крейцберга публика, исполненная негодованія на нѣкоего злочастнаго генерала, не понявшаго духа времени и осмѣливавшагося сдѣлать замѣчаніе молодому офицеру за несоблюденіе установленной формы, кричала: „Господинъ Крейцбергъ, укротите этого дикаго звѣря“. И всѣ находили тогда что публика показала такимъ поступкомъ высокую степень справедливости.

Раздѣляли ли начальники князя Суздальскаго общее мнѣніе, или не было въ нихъ достаточнаго мужества противиться ему, все равно; важно то что они любоялись прослыть дикими звѣрями и быть выставленными печатью на общее осмѣяніе, а потому отложили всѣ строгости и требованія службы въ сторону и принялись баловать воспитанниковъ. Въ силу такой системы воспитанія, юношеству дозволялось безнаказанно, безъ удержа, предаваться всѣмъ увлеченіямъ молодости; само начальство нерѣдко показывало имъ примѣръ постыдныхъ изашествъ. Такъ былъ у Суздальскаго вліятельный наставникъ съ постоянно цллюминированною фзіономіей, котораго ученики прозвали: *Baba au rhum*.

Можно ли удивляться что при такой системѣ воспитанія, богатый юноша увѣровалъ что нѣтъ преградъ для исполненія его желаній, что все то хорошо и все добро что нравится и веселитъ, а зло есть то что скучно и не доставляетъ наслажденій?

Въ общемъ результатъ не всѣ окончившіе курсъ въ эти,

къ счастью Россіи, немногіе годы вынесли изъ заведеній здоровое, нравственное воспитаніе. Было не мало такихъ которые вышли зараженные бреднями социализма; были и другіе, изъ которыхъ баловство образовало эгоистовъ воображавшихъ что вся природа создана исключительно для того чтобъ улаживать ихъ существованіе, что на нихъ самихъ не лежитъ относительно другихъ людей никакихъ обязанностей, и что отъ нихъ никто не имѣетъ права требовать ни услугъ, ни одолженій кромѣ, разумѣется, платежа денегъ за доставляемые имъ удовольствія и наслажденія. Къ такимъ эгоистамъ принадлежалъ и князь Анатолій Суздальскій.

Другой ревностный ея поклонникъ былъ родной братъ графа Петра, графъ Павелъ Павловичъ Трояновскій, человекъ уже не молодой, но холостой, знатный и чиновный. Онъ тоже намекалъ о готовности пожертвовать всѣмъ чтобы достигнуть взаимности, но о женитьбѣ на Еленѣ тоже не намекалъ. Умная, прозорливая и приготовленная своимъ катехизисомъ ко встрѣчѣ всякаго рода безнравственности, Елена скоро поняла чего желаютъ ея поклонники и какъ унижены для нея ихъ желанія. Она уже начинала яснѣе видѣть свое незавидное положеніе въ этомъ кругу, когда случай, для нея совершенно неожиданный, открылъ ей окончательно глаза.

Ей былъ представленъ въ домѣ Трояновскихъ племянникъ графа Петра, нѣкто Михаилъ Павловичъ Лобовъ, молодой человекъ лѣтъ двадцати пяти. Красивыя черты его лица, благовоспитанность, манеры и костюмъ давали ему полное право принадлежать къ тому кругу гдѣ встрѣтила его Елена. Его мать, вдова Лобова и родная сестра покойной графини Трояновской, по смерти сестры и до самой кончины своей жила тутъ же у графа и была всѣми чрезвычайно уважаема; по ней и до сихъ поръ весь домъ носилъ еще трауръ. Но не взирая на все, молодой Лобовъ какъ-то рѣзко выдѣлялся изъ круга своихъ родственниковъ, держалъ себя особнякомъ, былъ очень молчаливъ и мало замѣтенъ. Съ нимъ впрочемъ были всѣ также холодно-учтивы какъ и съ Еленой. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ихъ знакомства онъ ни разу не подошелъ къ Еленѣ, не сказалъ ей ни одного слова, но она уже знала что онъ ее не только замѣчаетъ, а постоянно съ какою-то особенною заботливостью слѣдитъ за нею. Не разъ уже встрѣчала она его взгляды устремленные

на нее то съ выраженіемъ сочувствія, то съ видомъ упрека, а иногда и презрѣнія.

Въ одинъ изъ понедѣльниковъ, когда собирались по вечерамъ у графа Петра Трояновскаго всѣ родственники и близкіе знакомые его и покойной графини, Елена, по просьбѣ матери Лобова, пѣла, аккомпанируя сама себѣ на роялѣ.

Когда она окончила піесу, раздались со всѣхъ сторонъ обязательные учтивые возгласы: „charmant, délicieux“, послѣ которыхъ всѣ занялись довольно шумными разговорами и забыли объ Еленѣ. Она осталась одна у инструмента. Ея обычнаго собесѣдника, князя Суздальскаго, въ этотъ вечеръ не было. Чувствуя неловкое положеніе, она обвела все общество глазами и встрѣтила устремленный на нее взглядъ Лобова. Онъ стоялъ приклонясь къ камину въ такомъ же одиночествѣ и смотрѣлъ на нее такимъ сочувственнымъ взоромъ что невольно и ея глаза остановились на молодомъ человѣкѣ съ выраженіемъ благодарности и участія.

Въ этотъ вечеръ они сошлись въ первый разъ, и тутъ же безо всякихъ предисловіи Лобовъ разъяснилъ ей въ яркихъ краскахъ роль которую она играла въ домѣ Трояновскихъ.

— Неужели полагаете вы, говорилъ онъ ей,—что учтивости всѣхъ этихъ дамъ и большей части мушницъ относятся лично къ вамъ? Не думайте этого. Они учтивы и къ вамъ и ко мнѣ только потому что встрѣчаютъ насъ въ домѣ моего дядюшки и потому что вообще быть учтивымъ есть обязанность благовоспитанности, но въ глазахъ ихъ вы и я—мы люди иного, низшаго міра. Они всегда будутъ къ намъ вѣжливы, но причислить насъ къ своимъ—никогда! Вами могутъ пожалуй позабавиться, сдѣлать изъ васъ на время или отъ нечего дѣлать игрушку, но принять васъ въ свой кругъ, да ни за что на свѣтѣ!

Перейдя къ ухаживанію за нею князя Суздальскаго, онъ говорилъ:

— Князь Суздальскій, какъ и всякій сынъ знатныхъ и богатыхъ родителей, можетъ жениться, по ихъ мнѣнію, разумно только на дѣвицѣ такого же происхожденія какъ и самъ онъ. Онъ можетъ жениться въ видѣ шалости на актрисѣ, пожалуй, въ видѣ увлеченія, на кокеткѣ, это имъ понятно; но жениться на честной и непорочной дѣвушкѣ, хотя бы она была также красива и образована какъ вы, не

дочери бѣднаго врача, этого никто изъ нихъ понять не можетъ. Она пожалуй захочетъ воспользоваться прерогативами его титула и какъ равная войти въ домъ знатной тетюшки ея мужа, да еще привести своего отца, военнаго доктора, или своего брата, простаго механика, какъ я напримѣръ. Вообразите же этотъ скандалъ! простой механикъ въ гостиной *княгини Марьи Алексеевны!* Избави Боже! Такъ можно испортить всё свои связи, всю свою карьеру.

Съ этого знаменательнаго для Елены поведѣльника началось сближеніе ея съ Лобовымъ. Онъ часто бывалъ у Рыбиныхъ, и не прошло двухъ, трехъ мѣсяцевъ какъ подчинилъ своему уму, своему нравственному вліянію раздосадованную и разобиженную аристократами Елену. Ея первая мысль была рѣзко порвать всё сношенія съ семействомъ Трояновскихъ, гдѣ могли ожидать ее лишь непріятности и огорченія, но Лобовъ былъ другаго мнѣнія; она его послушалась и продолжала попрежнему навѣщать домъ графа.

— Отсутствія вашего никто и не замѣтитъ, говорилъ онъ. — Уйти отъ нихъ, это значитъ сознать себя побѣжденною, подчиниться имъ. Вы развѣ на это способны? Надѣюсь, нѣтъ. Не подчиняться надо имъ, а бороться съ ними, унижить ихъ, взять власть надъ ними. Вотъ ваша роль. И въ этомъ я помогу вамъ.

Сближеніе съ умною и красивою дѣвушкой не прошло однако же безслѣдно и для Лобова. Онъ влюбился въ нее со всею силой необузданныхъ страстей, влюбился какъ любятъ только разъ въ жизни; но не нашелъ въ ней отвѣта. Всякія объясненія его она прерывала; всякіе порывы страсти оставалась постоянною холодностію.

На третій годъ пребыванія въ Петербургѣ она близко познакомилась съ Гибсономъ. Оставаясь безъ Наташи слишкомъ два съ половиною года въ Петербургѣ, Гибсонъ часто бывалъ у Рыбиныхъ. Его строгій, логическій умъ, его сильный характеръ и полная самостоятельность, даже его постоянная молчаливость и холодность въ обращеніи, возбуждали въ ней особенное къ нему уваженіе. Она видѣла что онъ въ высшей степени строгъ къ самому себѣ и гораздо болѣе мягокъ къ постороннимъ; что онъ конечно мало пріятель въ обществѣ, смотритъ педантомъ, иногда бываетъ тяжелъ и дома; но что словамъ его можно всегда довѣряться, что никогда не позволитъ онъ себѣ нечестнаго поступка и никогда не измѣнитъ дружбѣ.

Ея добрые инстинкты, которыхъ не могло совсѣмъ заглушить полученное ею уродливое воспитаніе, влекли ее къ Гибсону. Она видѣла въ немъ олицетвореніе всего что называла душа ея хорошимъ и надѣ чѣмъ она хотя и глумилась на словахъ, но часто и задумывалась съ уваженіемъ. Въ глазахъ ея онъ представлялся какимъ-то рѣдкимъ явленіемъ въ настоящее время, человѣкомъ откровенно-добродѣтельнымъ, который могъ бы спасти ее отъ тлетворнаго вліянія и пагубной власти надъ нею Лобова.

Сколько умѣлъ, Гибсонъ былъ ласковъ къ Еленѣ, какъ къ дочери одного изъ самыхъ близкихъ къ нему людей; говорилъ съ нею болѣе чѣмъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, часто осларивалъ ея мысли и съ каждымъ днемъ входилъ все болѣе въ ея довѣренность. Вслѣдъ за уваженіемъ и довѣренностію появилась въ ней привычка видѣть Гибсона, говорить съ нимъ, даже руководиться его мыслями и затѣмъ, какъ всегда бываетъ, почувствовала она въ сердцѣ своемъ живѣйшую къ нему привязанность, готовую при первомъ случаѣ обратиться въ самую искреннюю и сильную любовь.

Она не могла и не смѣла сознаться ему что связываетъ ее съ Лобовымъ; но въ разговорахъ съ Гибсономъ узнала его мысли и убѣжденія: глубоко и сердечно уважалъ онъ Русскаго монарха, освободителя подневольныхъ, и рѣзко оуждалъ революціонеровъ.

Его идеи имѣли сильное вліяніе на Елену. Она отшатнулась отъ Лобова, охотно отвязалась бы и совсѣмъ отъ него, но уже не могла, она сдѣлалась его невольницей, что мучило и терзало ее постоянно.

Такъ и теперь, сидя въ глубокомъ раздумьѣ на креслѣ въ гостиной, она вдругъ съ выраженіемъ крайняго неудовольствія на лицѣ вспомнила о полученной еще утромъ запискѣ. Она послѣдшне вынула изъ кармана листочекъ сложенной бумаги, развернула его и пробѣжала глазами записку.

Въ простѣвкѣ между окнами гостиной были зеркала и подъ ними столики. На одномъ стояли большіе, бронзовые часы съ фигурой рыцаря на борзомъ конѣ подъ стекляннымъ козлакомъ, а на другомъ бронзовый канделябръ о пяти свѣчахъ и рядомъ со нимъ большая чугунная пепельница и коробочка спичекъ. Пробѣжавъ записку, Елена Трофимовна

тотчасъ же всунула ее обратно въ карманъ и вновь задумалась, потомъ вздохнула глубоко, встала, медленно подошла ко второму столику, зажгла одну свѣчку въ канделябрѣ, приблизила къ огню сложенную въ трубочку записку, и когда она запылала, положила въ чугунную пепельницу. Лишь только послѣднія искры пробѣжали по черному обугленному листочку, она подняла глаза и увидѣла обликъ свой въ зеркалѣ.

Должно-быть и на нее красивая ея наружность производила такое же впечатлѣніе какъ и на постороннихъ людей. Она улыбнулась сама себѣ, брови ея выпрямились, складка на лбу исчезла и верхняя губка поддернулась вверхъ, обнаруживъ рядъ бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ.

— Понравится ли ему какъ я сегодня одѣта? сказала она сама себѣ.—Вѣроятно найдетъ что слишкомъ облажена, вѣдь онъ такой пуританинъ. Ему должна нравиться скромность: robe montante, boutonnée.

И Елена Трофимовна поддернула бѣлый лифъ кверху.

„Не отгадаешь его“, продолжала она думать, „такой скрытный, молчаливый. Но сердце у него мягкое, способное чувствовать глубоко. Какъ онъ заботливъ объ этой Наташѣ, какъ видна въ немъ эта душевная привязанность отца къ дочери, эта любовь спокойная, всегда удовлетворенная! Что же будетъ, когда онъ полюбитъ не дочь, а женщину, когда страсть заговоритъ въ немъ!“

Въ эту минуту подъ бронзовымъ рыцаремъ на борзомъ конѣ часы пробили одиннадцать.

— Что жъ не собираютъ чай и кофе, скоро всѣ прѣдутъ, и онъ будетъ сейчасъ. Агаея! Агаея! крикнула Елена.

Вошла пожилая женщина повязанная платкомъ. Начались распоряженія по хозяйству. Лакей и Агаея по указанію барышни разставили все что полагается ставить къ утреннему „breakfast“.

— Принеси мнѣ бѣлую шелковую косынку что привезена изъ Кіева, сказала Елена хлопотавшей около стола Агаеѣ.

Агаея принесла длинную шелковую косынку, какую носили прежде вмѣсто шали.

Елена накинула ее на плечи, перекрестила на груди и концы завязала позади на талии. Такъ рисуютъ несчастную королеву Марію-Антуанету въ тюрьмѣ Temple.

Достаточно было одной косынки чтобъ измѣнить весь тонъ, весь характеръ красоты Елены.

Она точно надѣла на себя не шелковую легкую тряпку, а облеклась въ панцырь, въ броню. Въ ней не осталось и сѣда того вызывающаго, дерзкаго вида который былъ присущъ ея натурѣ и красотѣ; даже выраженіе глазъ перемѣнилось. Скромною, невинною и невозмутимою дѣвушкой показала Елена самой себя въ зеркало, предъ которымъ стояла спиной, съ повороченною назадъ къ зеркалу хорошенькою головкой, чтобы видѣть достаточно ли красиво распущенныя лопасти косынки обрисовываютъ изгибъ ея талии.

„Какъ бы только не пересолить, думала она,—вѣдь онъ все-таки... мущина.“

IV.

Не прошло и получаса, около круглаго стола накрытаго въ той же гостиной,—она служила и залой, и приѣмной, и столовой,—сѣдло и разговаривало цѣлое общество.

За столомъ у самовара хозяйничала Елена. Около нея сѣдла Наташа, рядомъ съ ней племянникъ графа Петра Павловича Трояновскаго, Михаилъ Павловичъ Лобовъ, затѣмъ самъ хозяинъ Рыбнъ и наконецъ Гибсонъ, который и замыкалъ кругъ, сидя рядомъ съ Еленой.

Лобовъ передавалъ новости дня, говорилъ о пребываніи въ Петербургѣ болгарской депутаціи, передавалъ о ходившихъ по городу слухахъ касавшихся политическихъ недоразумѣній возникшихъ въ послѣднее время между Россіей и Германіей и разказалъ нѣсколько анекдотовъ о неловкихъ дѣйствіяхъ петербургской полиціи, не сумѣвшей въ теченіе цѣлаго года найти убійцу генерала Мезенцова и открыть тайныя типографіи гдѣ печатались подпольныя изданія соціально-революціонной партіи, не взирая на учрежденіе цѣлой арміи дворниковъ.

Гибсону, который былъ уже знакомъ съ Лобовымъ, показался онъ въ это утро особенно злымъ и недовольнымъ, хотя видимо дѣлалъ усилія казаться веселымъ.

Елена отъ души смѣялась, слушая насмѣшки Лобова, но Наташа оставалась невозмутимою и молча завтракала. Докторъ разспрашивалъ Лобова, допытывался бѣльшихъ подробностей; Гибсонъ улыбаясь слѣдилъ за впечатлѣніемъ производимымъ на Наташу разказами Лобова и за явною досадою

возбуждаемою въ разкащикѣ неуслыхомъ его остроты и серіозною миной съ которою дѣвушка слушала его.

Нѣсколько разъ уже бросалъ Лобовъ пытливые взгляды на собесѣду остававшуюся, къ удивленію его, равнодушною къ смѣхотворнымъ анекдотамъ о неловкихъ дѣйствіяхъ полиціи.

„Почему же она не смѣется?“ думалъ онъ съ досадою. „Что она, идиотка что ли? ничего не понимаетъ?“

Злость начинала разбирать его.

„Нѣтъ, повидимому смекаетъ, вонъ краснѣетъ и глазаща сердитые дѣлаетъ. А! такъ ты уважаешь полицію, ты лиголица съ консервативнаго болота? Вѣрши въ тезисъ о Всемогущемъ и въ то же время покалоняешься могуществу городского? Ну, я пройму тебя. Заговоришь ты у меня.“

— Нельзя винить исключительно полицію, говорилъ въ это время докторъ.—Она у насъ не привыкла еще бороться съ политическими партіями. Она теряется вида предъ собой незнакомаго ей врага.

— Да и не она одна, Трофимъ Григорьевичъ, замѣтилъ Лобовъ,—вся Россія со втораго апрѣля начинаетъ терять голову. Я уже не говорю о нашихъ дамахъ; онѣ воспитаны на страхъ предъ людьми властью имѣющими и на трогательномъ уваженіи къ жандарму. Имъ не только заняться современными вопросами, но даже принять участіе въ серіозномъ разговорѣ какъ-то неловко. Въ серіозныхъ разговорахъ, какъ напримѣръ о дѣйствіяхъ правительственныхъ лицъ, о политикѣ, о государственныхъ дѣлахъ онѣ чувствуютъ себя какъ будто на нихъ надѣто платье съ длиннымъ шлейфомъ пришитымъ не сзади, а спереди. Нѣтъ, что ни говорите, русская женщина есть женщина отсталая: вѣтъ, лить, кокетничать и закармливать кашей дѣтей, вотъ кажется и все что умѣетъ дѣлать она.

Михаилъ Павловичъ изподлобья взглянулъ на Наташу, желая видѣть эффектъ который произведутъ на нее слова его.

Наташа сильно покраснѣла. Нельзя было не замѣтить что это выходка противъ русской женщины не связывалась съ предшествующимъ разговоромъ и съ замѣчаніемъ доктора о полиціи; значить Лобовъ нарочно, только изъ желанія кольнуть ее или Елену, такъ круто перешелъ отъ полиціи къ женщинамъ. Она бросила вопросительный взглядъ на Елену какъ бы вызывая ее на отвѣтъ, но Елена улыбаясь молчала и прилежно занималась накладываніемъ сахару въ чашки и стаканы.

„Такъ это въ меня онъ стрѣляетъ“, подумала Наташа и уже съ нѣкоторою горячностію сказала:

— Вы забываете, monsieur Лобовъ, что русская женщина, кромѣ закармливанія дѣтей кашей, умѣетъ еще вкоренить въ нихъ уваженіе ко власти, любовь къ семьѣ и къ отечеству. Она научаетъ дѣтей своихъ Богу молиться и приготовляетъ изъ нихъ честныхъ гражданъ, которые не будутъ убивать генераловъ на улицахъ города. Еслибы дѣятельность ея даже тѣмъ и ограничилась, то кажется жизнь ея будетъ не бесполезна. На это конечно вы скажете что въ словахъ моихъ нѣтъ ничего новаго, что ихъ можно прочесть въ прописяхъ любой школы... Что же дѣлать! Эти вѣчныя истины тѣмъ и хороши что онѣ вѣчны. Не думаю я чтобы всякая новизна была непременно прогрессомъ.

— Вотъ въ этомъ-то именно и заключается вся ошибка людей не желающихъ видѣть восходящаго солнца и предпочитающихъ оставаться въ прежнеемъ мракѣ душнаго семейнаго курятника. Мыслители нашего времени давно уже опрокинули бы рутинный кодексъ условной нравственности, еслибы...

— Хотите чаю, или кофе? внушительно прервала Лобова Елена Трофимовна.

Съ досадою вскинулъ на нее глаза прерванный ораторъ, но увидѣвъ укоризненный взоръ дѣвочки, догадался что она предупреждаетъ его о необходимости быть осторожнѣе въ словахъ, поклонился приветавъ со стула, попросилъ стаканъ чаю и умоакъ.

Наташа не отвѣчала. Повидимому все вниманіе ея было поглощено намазываньемъ масла на только что принесенные человѣкомъ въ салфеткѣ гренки, которые она и передавала, по мѣрѣ ихъ приготовленія, доктору и Гибсону.

Пользуясь наступившимъ молчаніемъ докторъ пустился въ разсужденія о томъ что одна полиція не въ состояніи ни предупредить подобныхъ прискорбныхъ явленій, ни уничтожить радикально партію анархистовъ, и что цѣли этой можно достигнуть не иначе какъ при дружномъ содѣйствіи всего общества. Мысль эта въ тѣ дни проповѣдывалась въ печати.

Пока докторъ говорилъ, Лобовъ вынулъ изъ кармана серебряный портсигаръ, взялъ между зубами папирску и собирался уже шаркнуть спичкой по зазубренной полоскѣ портсигара какъ былъ остановленъ Еленой, подавшею ему

стаканъ чаю. Чтобы передать его она наклонилась за спину Наташи; въ ту же сторону наклонился и Лобовъ, протянувъ руку. На Наташа, на сѣдѣвшіе за столомъ докторъ и Гибсонъ не могли видѣть какъ Елена, закрытая сосѣдкой, сѣлаала знакъ Лобову о томъ что курить нельзя, причемъ она кивнула головой на Наташу.

Лобовъ насмѣшливо улыбнулся, пожалъ плечами съ выраженіемъ презрѣнія, напроску оставилъ незакуренною на столѣ и началъ слушать доктора, который въ ту минуту оканчивалъ рѣчь о возможности достигнуть цѣли не иначе какъ при дружномъ содѣйствіи цѣлаго общества.

— Только не нашего, воскликнулъ Лобовъ, раздраженный болѣе прежняго обязательствомъ не курить по капризу этой „верхоглядки“, какъ онъ мысленно обзывалъ Наташу.—Какое полезное содѣйствіе можетъ оказать сборище обскурантовъ, умственно неразвитыхъ и безграмотныхъ людей, которыхъ вдобавокъ руководить высшій, такъ-называемый цивилизованный нашъ классъ. Люди эти воспитаны на давно отжившихъ началахъ условныхъ, бессмысленныхъ текстовъ и цитатъ и на жеманныхъ привычкахъ большого свѣта. Наше общество! Да это непочатый складъ рабскихъ предрасудковъ, и на этой кучѣ стараго хлама сидятъ крапичками бѣлая гниль чванливыхъ бюрократовъ, аристократовъ и крѣпостниковъ.

Съ гордымъ изумленіемъ взглянула на говорившаго Наташа, но тотчасъ же отвернулась отъ него и продолжала макать сухарики въ чашку. Какъ ни старалась она казаться покойною, Гибсонъ видѣлъ что пальчики ея нервно дрожали когда она стряхивала съ нихъ приставшія къ намъ крошки сухарей. * А между тѣмъ Лобовъ продолжалъ свое. Онъ забылъ уже предостереженіе сдѣланное ему Еленой.

— Наше общество! съ одушевленіемъ продолжалъ онъ отваливаясь на спинку стула и глядя неопредѣленно предъ собой, какъ будто говорилъ предъ большою публикой собравшеюся внимать его умнымъ рѣчамъ.—Да развѣ можетъ оно играть какую-либо политическую роль при отсутствіи общественнаго мнѣнія и безъ возможности высказать его? А чтобы существовало разумное, прогрессивное общественное мнѣніе, нужна цивилизація, надо больше народныхъ школъ, да не такихъ какія заведены у насъ по утвержденному консервативному шаблону... Давайте намъ больше грамотныхъ, больше науки; а гдѣ у насъ наука?..

Улыбаясь и со взоромъ исполненнымъ сердечнаго одобренія посмотрѣвъ Гибсонъ на Наташу; затѣмъ, обратясь къ Лобову, чрезвычайно учтиво сказалъ ему:

— Значить вы полагаете, monsieur Лобовъ, что еслибы всѣ до единаго жителя Петербурга были грамотны, да кромѣ того еслибы даже треть ихъ или половина, сколько угодно, были людьми цивилизованными, я разумѣю въ вашемъ смыслѣ, то общество было бы въ силахъ подавить всякое преступное проявленіе со стороны меньшинства,—я называю меньшинствомъ, какъ вѣроятно и вы, адептовъ интернациональнаго общества...

Елена Трофимовна видимо пугалась дальнѣйшаго разговора; ей хотѣлось прервать его, но Гибсонъ слѣдилъ за ней, и она это видѣла, что еще болѣе ее смущало и безпокоило.

Между тѣмъ Лобовъ не замѣчалъ тревога Елены и отвѣчалъ Гибсону, хотя уже не такимъ увѣреннымъ тономъ какъ говорилъ до сей минуты:

— Да, конечно, но съ условіемъ чтобы большинство жителей было проникнуто современнымъ образомъ мыслей и сбросило бы съ себя всю гниль старой рутины.

— То-есть какъ же? возразилъ Гибсонъ,—вы хотѣли бы чтобы не меньшинство, а большинство было на сторонѣ интернационалки и принадлежало бы къ ученію какого-нибудь Бакунина?

— Да это значитъ, вскричалъ докторъ,—что вы, любезнѣйшій, хотѣли бы отдать Петербургъ на разграбленіе парижской коммуны!

Елена потеряла терпѣніе, и видя что у Лобова загорѣлись глаза, что онъ въ сильнѣйшемъ волненіи ёрзалъ по стулу и что вотъ-вотъ сейчасъ онъ пустится въ такія откровенности что отецъ пожалуй и откажетъ ему отъ дома, она послѣшила рѣшительнымъ шагомъ прекратить этотъ опасный разговоръ, и потому, обращаясь къ Гибсону, спросила достаточно громко чтобы заставить замолкнуть говорившихъ, справедливъ ли слухъ о томъ что въ одномъ изъ домовъ набережной Невы какой-то вельможа читаетъ по вечерамъ проповѣди назидательно-религіознаго характера. Завязался общій разговоръ о проповѣдяхъ, въ продолженіе котораго Лобовъ овладѣвъ собой, успокоился и впалъ попрежнему въ саркастическій тонъ.

Мнѣнія сидѣвшихъ вокругъ стола насчетъ проповѣдей вельможи раздѣлились.

Гибсонъ полагалъ что слѣдовало бы предоставить полную свободу проповѣди пока ничего вреднаго не будетъ замѣчено въ словахъ проповѣдника.

Докторъ съ нимъ не соглашался, приводилъ свои мотивы и заключалъ что проповѣди слѣдуетъ воспретить.

— А вы какого объ этомъ мнѣнія, Наталья Васильевна? спросилъ Лобовъ улыбаясь.

— Я раздѣляю мнѣніе Василя Федоровича, отвѣтила Наташа сухо и не охотно.—Лучше было бы не запрещать проповѣдей этихъ господъ, но рядомъ съ ними пригласить нашихъ священниковъ читать свои почасе.

— Что вы, Наталья Васильевна! тотчасъ же возразилъ Лобовъ, какъ будто ожидавшій только какого-нибудь мнѣнія Наташи чтобы придратъся къ нему,—что вы! Да кто же изъ тѣхъ что ходятъ на проповѣди вельможи пойдеть слушать элукубраціи нашихъ поповъ? Вы слышали, напримѣръ, что произнесъ на дняхъ недалеко отсюда въ сосѣдней деревнѣ одинъ изъ нашихъ священниковъ? Онъ былъ сердитъ на прихожанъ за недостаточно обильныя приношенія. Пришлось ему говорить на тему о всеобщей братской любви и онъ провозгласилъ: „братія“!

При этомъ Лобовъ старался подражать голосомъ и жестами говорящему проповѣдъ священнику и неизвѣстно почему заговорилъ въ носъ: „Братія! возлюбите хоть вы другъ друга, потому что васъ, скаредовъ этакихъ и скрягъ, ужъ конечно никто другой не полюбитъ.“

Докторъ и Елена засмѣялись. Наташа сильно покраснѣла.

— Ну скажите, продолжалъ Лобовъ,—какую же можетъ разумную проповѣдь...

— Перестаньте, monsieur Лобовъ, прервала его Наташа строгимъ голосомъ и устремивъ на молодого человѣка сверкающіе отъ негодованія глаза.—Мнѣ непріятно слышать подобныя вещи. Примите что я ничего не говорила. Напрасно вы меня спрашивали и напрасно я вамъ отвѣчала, если вы хотѣли возразить такимъ остроумнымъ анекдотомъ вычитаннымъ вами вѣроятно въ какомъ-нибудь шутовскомъ журналѣ. Вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе если никогда не будете обращаться ко мнѣ съ такими непочтительными выраженіями о людяхъ которыхъ я обязана уважать.

Съ каждымъ выговореннымъ словомъ рѣчь Наташи стано-

вилась раздѣльнѣе, и если не самыя слова, то сопровождающій ихъ тонъ, выраженіе глазъ и строгость во всѣхъ чертахъ лица придавали имъ обидную язвительность.

Она явно не могла уже совладать съ собою подъ напльвомъ негодованія. Индійская кровь увлекала ее. Еслибы не удержать ее, она дошла бы до дерзостей. Всѣ обратили на нее безпокойные взгляды; одинъ Гибсонъ опустил глаза и сжалъ губы.

Лобовъ замолчалъ, но на лицѣ его не было видно особеннаго огорченія. Напротивъ, онъ думалъ въ эту минуту:

„Ага! вывелъ-таки тебя, прекрасная статуя, изъ каменной неподвижности: заговорила наконецъ!“

Елена бросила взглядъ на Гибсона и замѣтила съ удовольствіемъ въ его опущенныхъ глазахъ и въ сжатыхъ губахъ если не укоръ, то неодобреніе выходки Наташи. Довольная этимъ замѣчаніемъ, она захотѣла услужить Гибсону и вывести всѣхъ и въ особенности Наташу, готовую заплакать, изъ неловкаго положенія.

Обратясь къ Лобову, она произвела шутовымъ, игривымъ тономъ, которымъ конечно никто обидѣться не могъ: — Гдѣ вычитали вы эту пошлость? Надо спросить о томъ Вейсига, онъ все знаетъ: онъ ходячій каталогъ.

Конечно, одно слово *пошлость* было грубѣе всего что высказала Наташа, однакоже никому не показалось оно ни грубымъ, ни даже неучтивымъ; до такой степени справедлива французская поговорка: *c'est le ton qui fait la musique.*

Всѣ разсмѣялись и Лобовъ со всѣми.

— У насъ тутъ заведенъ свой лордъ-апостолю, вашъ дядушка, продолжала Елена, обратясь къ Лобову, — графъ Петръ Павловичъ. Ты не повѣришь, *Natalie*, что за странный мыслъ у этого старика! Вообрази, онъ считается гдѣ-то ангеломъ или херувимомъ и служить обѣдно въ особомъ костюмѣ. Представь себѣ этого сѣдаго старика съ крыльями ангела *et habillé comme on ne l'est guère.*

Не успѣвъ сорваться эти слова съ языка ея какъ она уже поняла что дала промахъ. Вышло что-то скабрзное, да еще этотъ Лобовъ какъ нарочно засмѣялся и тѣмъ какъ бы подчеркнулъ ея промахъ.

„Трудненько однако играть роль *prude*“ подумала Елена, и хотѣла уже ловкимъ маневромъ и подробнымъ описаніемъ костюма ангела, о которомъ она конечно не имѣла никакого

понятія, заглядить впечатлѣніе произведенное намекомъ на полное декольте стараго графа и тайнаго совѣтника, какъ вдругъ вскочила съ мѣста и объявила что видитъ идущую къ нимъ по дорогѣ графиню Alexandrine съ братомъ.

Вскорѣ затѣмъ въ комнату вошли графиня Александра Петровна Трояновская и молодой графъ Nicolas, дѣти графа Петра Павловича.

Маленькая ростомъ, двадцатилѣтняя, щедрая, узенькая въ плечахъ и плоская со всѣхъ сторонъ какъ доска, графиня имѣла видъ болѣзненнаго, слабаго недоноска. Въ ея лицѣ прежде всего бросался въ глаза длинный, узенькій и заостренный носъ; она унаслѣдовала его отъ матери. Затѣмъ неприятно поражала въ лицѣ графини нечистая кожа,—тоже материнскій подарокъ перешедшій вмѣстѣ съ острою кровью. Но за то съ удовольствіемъ можно было остановить взоръ на карихъ, хотя и небольшихъ, но добрыхъ, бархатныхъ глазахъ графини и на ея красивомъ ротикѣ. Глаза, ротъ и правый обликъ унаслѣдовала она отъ отца. Такъ пріятны были глаза ея, такою прелестью и добротой освѣщали они это худенькое, маленькое и пестрое личико и столько ласки и доброжелательства было въ формѣ ея рта что искренно жаль становилось эту бѣдную дѣвушку, при взглядѣ на нее.

Наташа, ожидавшая увидѣть гордую своимъ титуломъ и напыщенную графиню, пріятно была удивлена скромнымъ и даже боязливымъ видомъ вошедшей дѣвушки. „Бѣдная! какая она некрасивая“, подумала Наташа, „я должна быть добрая и хорошая.“

Графъ Nicolas былъ безцвѣтный блондинъ.

При входѣ брата съ сестрой послѣдовали обычное шарканье и передвиженіе стульевъ, обоюдныя привѣтствія, представленія не бывшихъ прежде знакомыма. Затѣмъ всѣ усѣлись вокругъ стола.

Графиня помѣстилась между Наташей и Еленой, молодой графъ между Лобовымъ и докторомъ.

Начала говорить графиня по-французски:

— Я пришла объявить вамъ что порядокъ охоты на которой, надѣюсь, мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть васъ, обратилась она сперва къ Наташѣ, а потомъ и къ Гиббону, — нѣсколько измѣнилась. Мы должны были выѣхать сегодня чтобы почевать въ какой-то деревнѣ и завтра съ восходомъ солнца начать охоту; но это оказалось невозможнымъ, не могли найти для насъ помѣщенія въ домахъ у мужиковъ...

— Таракановъ испугался, замѣтилъ язвительно Любовь по-русски.

— Очень можетъ быть, отвѣчала графиня, поднимая на него невнятный взглядъ своихъ добрыхъ глазъ.—У этихъ бѣдныхъ людей такъ мало комфорта! Намъ приглашаютъ ночевать дома и выѣхать завтра утромъ прямо въ двѣ къ семи часамъ утра.

— И вы, кузина, способны встать такъ рано? спросилъ Любовь.

— Постараюсь если позволить здоровье и если разрѣшитъ докторъ, нѣсколько конфузясь выговорила графиня, устремивъ добрые глаза свои на Рыбина.

Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ воспріимчивому сердцу Наташи сказалось все нравственное страданіе двадцатилѣтней молодой дѣвушки, постоянно больной и слабой. Несказанно жаль стало ей бѣдной графини.

— Объ этомъ поговоримъ вечеромъ, добрѣйшая Александра Петровна, отвѣчалъ Рыбинъ.

Слово *вечеромъ* выговоренное докторомъ напомнило графинѣ что не все еще ей порученное передала она обществу.

— Да, воскликнула она,—надѣюсь что вы, monsieur Гибсонъ, и Мше Алаяровъ, не откажетесь отобѣдать съ нами сегодня. Добрѣйшій Трофимъ Григорьевичъ и Hélène уже общались. Папа самъ будетъ у васъ съ просьбой о томъ же. Я только его *avant-congeur*.

Гибсонъ началъ было извиняться неумѣніемъ съ собою приличнаго костюма званому обѣду, но графиня отвѣчала что ихъ домъ не замокъ англійскаго лорда.

— *Tout pays a ses coutumes*, сказала она.—*Papa n'assurete pas vos raisons*. А вы, Мше Алаяровъ, надѣюсь, не откажете мнѣ въ просьбѣ не только сегодня пообѣдать вмѣстѣ, но быть близкими знакомыми. Трофимъ Григорьевичъ такъ много говорилъ о васъ что мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ вами.

Чѣмъ больше всматривалась Наташа въ графиню, тѣмъ больше чувствовала къ ней влеченіе. Къ этому примѣшалось еще глубокое состраданіе къ физическимъ недугамъ и недостаткамъ которые не только дѣлали ее слабою и хилою, но явно пораждали въ ней мучительное чувство застѣчивости. Графиня была увѣрена что во всѣхъ на нее смотрящихъ видѣя ея пестраго лица возбуждалъ отвращеніе или насмѣшку. Эта

подавляющая постоянная мысль выражалась во взглядѣ и во всѣхъ чертахъ лица бѣдной графини. Постоянное желаніе укрыться гдѣ-нибудь въ болѣе темномъ углу комнаты и какъ можно менѣе выставляться на видъ не покидало ее никогда.

Вынужденная, какъ было теперь, сидѣть на виду и говорить обращаясь къ цѣлому обществу устремившему на нее глаза, да еще при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, при которомъ каждое пятнышко такъ ясно видно, она видимо съ трудомъ пересиливала робость.

— Вы недавно пріѣхали изъ Англіи? спросила графиня Наташу.

— Мѣсяцевъ шесть тому назадъ, отвѣтила Наташа.—Я провела въ замкѣ лорда Портвельса, отца мистера Гибсона, у тетокъ его около двухъ съ половиной лѣтъ.

— Кажется и прежде, ребенкомъ, вы жили тамъ?

— Да, я была привезена туда мистеромъ Гибсономъ прямо изъ Азіи, когда мнѣ было лѣтъ шесть.

— Такъ что объ Азіи вы мало что и помните?

— Почти ничего. Изъ дѣтства моего я помню только отдѣльные эпизоды, но за то они ярко рисуются предъ моими глазами. Самое отдаленное воспоминаніе мое Джузакъ. Какъ теперь вижу холмъ, насыпанный надъ могилой матери моей, и Василия Федоровича который держитъ меня на рукахъ. Вотъ съ тѣхъ поръ уже всѣ мои воспоминанія, вся жизнь моя связана съ нимъ. У меня нѣтъ ни матери, ни отца; но я ни одной минуты не чувствовала себя сиротой. Мой добрый Василій Федоровичъ замѣнилъ мнѣ все. Вы не повѣрите, графиня, какъ мнѣ пріятно чувство что ему я обязана болѣе чѣмъ жизнию; онъ научилъ меня мыслить, чувствовать, управлять моею волей и любить Бога.

— Какъ я понимаю васъ, милая Natalie! выговорила троганная графиня.—Я тоже имѣла счастье встрѣтить въ жизни моей ангела въ лицѣ моей тетки Мери, вотъ его матери, прибавила она, кивнувъ на Лобова.—Она тоже научила меня любить Бога и людей и терпѣливо переносить всякое горе. Но я имѣла несчастье потерять ее, и теперь я сирота. Милая Natalie, мнѣ кажется, еслибы вы только захотѣли мы... сблизилась бы съ вами, мы можетъ-быть... сошлись бы другъ съ другомъ. Не знаю какъ вы, но я была бы этому очень рада.

Въ теченіе этого разговора графиня постепенно отодви-

гла назадъ стулъ на которомъ сидѣла даѣе и даѣе отъ стола. Наташа, которая не спускала съ нея глазъ и слѣдила за всѣми ея движеніями, слѣдила то же, и скоро обѣ очутились въ двухъ или трехъ шагахъ отъ края стола, составляя какое-то *a parte* отъ остальнаго общества.

Между Еленой и Михаиломъ Павловичемъ образовалось оттого нѣкъ не занятое пустое пространство.

— Повѣрьте, сказала Наташа,—я считала бы себя счастливою еслибы могла заслужить вашу довѣренность, еслибы насъ связало не одно свѣтское знакомство, а взаимное уваженіе и привязанность, еслибъ я была въ состояніи хоть минутами замѣнить вашу горькую потерю.

Наташа сильно пожала ей руку. Лучъ необыкновенной радости мелькнулъ въ глазахъ графини, она посмотрѣла прямо въ глаза Наташи и сжала вѣки глазъ, какъ дѣлають всѣ близорукіе чтобы лучше видѣть, потомъ потушила взоръ и задумалась. Подумавъ не долго, она опять подняла глаза на Наташу, притянула ее за руку къ себѣ ближе, сама наклонилась къ ея лицу и дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказала:

— Скажите, милая Natalie, все что вы говорили мнѣ сейчасъ, все это были не фразы! Да! вы такъ наломали мнѣ ту которой уже нѣтъ и которая одна, въ цѣломъ мірѣ одна любила меня сердцемъ своимъ. Меня вѣдь никто, никто не любитъ и полюбить не можетъ. Вы сказали послѣднія слова ваши такъ какъ говорила она одна. Можетъ-быть я кажусь вамъ странною, смѣшною? Но вы такимъ голосомъ... Вѣдь вы говорили отъ души, да? Скажите мнѣ прямо. Меня ничто не удивить.

Графиня говорила почти шепотомъ и необыкновенно быстро.

Съ удивленіемъ услышали слова Наташи Любовь и Елена слѣдившіе за разговоромъ обѣихъ дѣвушекъ. Онъ взглянулъ на Елену: Она спокойно сидѣла, опершись спиной на спинку стула и скрестивъ руки на груди сколько могла внимательно слушала Гибсона.

Глаза ихъ встрѣтились на одно мгновеніе, и Любовь едва замѣтнымъ жестомъ головы указалъ на Наташу и графиню и потомъ сжалъ брови въ знакъ неудовольствія. Елена отвѣтила ему такимъ же малозамѣтнымъ движеніемъ головы въ утвердительномъ смыслѣ, легкимъ движеніемъ бровей и

поднятиемъ руки къ уху, какъ будто понадобилось ей поправить волосы; а въ то же время, не прерывая начатаго разговора съ Гибсономъ, краснорѣчиво заявляла что съ большимъ удовольствиемъ поселилась бы на постоянное жительство въ Англию.

Лобовъ понявъ жесты Елены, всталъ, взявъ стулъ на которомъ только-что сидѣлъ, передвинулъ его къ двумъ разговаривавшимъ дѣвицамъ и сѣлъ еще далѣе ихъ отъ стола, образовавъ такимъ образомъ треугольникъ изъ трехъ собесѣдниковъ.

— Вы позволите присоединиться къ вамъ? сказалъ онъ и замѣтилъ, къ крайнему удивленію, что онъ почти шептался, наклонясь одна къ другой и держась за руки.

Лобовъ заговорилъ было объ ожидаемой на другой день охотѣ, но графиня вскорѣ встала, а за ней и всѣ остальные, кромѣ Елены и Гибсона.

— Вы, Michel, обѣдаете у насъ сегодня? спросила Alexandrine Лובה.

— Нѣтъ, кузина, не могу, да у васъ же будетъ этотъ верблюдъ, тетушка Марья Федотовна, а я боюсь съ ней встрѣчаться.

— Отчего такъ?

— Она выводитъ меня изъ всякаго терпѣнія; когда-нибудь я нарочно заговорю по-французски какъ она или наговорю ей дерзостей по-русски. Но мнѣ она рѣшительно невыносима, раздражаетъ нервы. Послѣ всякаго съ ней свиданія я становлюсь боленъ.

— Полноте, Michel, не она виновата, отвѣтала графиня улыбаясь.— Au revoir, mon amie, сказала она пожимая руку Наташѣ и подошла къ Еленѣ.

Рыбина тотчасъ встала и вызвалась проводить ее до дому, извѣщаясь предъ своими гостями снѣжнымъ дѣломъ. Лобовъ последовалъ за ними.

Въ комнатѣ остались Наташа, Гибсонъ и докторъ.

— Вы бы, моя золотая, переодѣлись, сказалъ докторъ,—сегодня охоты не будетъ и верхомъ ѣхать вамъ не придется. Для васъ готова комнатка; должно-быть Анна Ефимовна все тамъ ужъ приготовила.

— Я переодѣнусь, добрѣйшій мой крестный, но мнѣ хочется прежде воспользоваться тѣмъ что никого нѣтъ посторонняго и узнать что-нибудь подробнѣе о семействѣ графа

Трояновскаго. Вы обѣщали разказать. Закурите вашу сигару, садитесь въ свое кресло и повѣстуйте. Съ тѣхъ поръ какъ я видѣла эту добрую, милую Alexandrine, мнѣ гораздо болѣе чѣмъ часъ тому назадъ хочется узнать всѣ подробности касающіяся ея...

— А вамъ, Natalie, очень понравилась молодая графиня? спросилъ Гибсонъ.

— Очень я рѣдко встрѣчала дѣвицу которая произвела бы на меня такое хорошее, душевное впечатлѣнiе. Я рада была бы сблизиться съ ней.

— Въ васъ говоритъ вашъ хорошій инстинктъ, моя дорогая, замѣтилъ докторъ;—въ этомъ маленькомъ, хиломъ тѣлѣ большая и здоровая душа. Вы съ ней навѣрное сойдетесь, вы обѣ такія славныя барышни.

— Въ самомъ дѣлѣ вы убѣдились въ ея душевной красотѣ, Natalie, и въ такое короткое время? спросилъ Гибсонъ.

— Это значить, Василій Ѳедоровичъ, вы не того мнѣнія чтобъ я сблизилась съ ней?

— О нѣтъ, Natalie, нѣтъ! я только удивляюсь вашему быстрому рѣшенію. Впрочемъ, послѣ словъ моего добраго друга доктора я совѣтовалъ бы вамъ даже сойтись съ ней еслибы совѣтами можно было возбуждать симпатіи и антипатіи...

— Смотря по тому кто даетъ совѣтъ, отвѣчала Наташа.

— Такъ что еслибъ я, вашъ крестный отецъ, посовѣтовалъ вамъ, моя золотая, посимпатизировать Лобову, вы меня послушали бы? спросилъ улыбаясь докторъ.

— Mademoiselle Алаяровъ, кажется, предупредила этотъ вашъ совѣтъ, мой добрый другъ, возразилъ Гибсонъ опустивъ глаза внизъ.—Сузу по тому что вы, Natalie, такъ горячо принимали къ сердцу мнѣнія этого джентльмена.

— Василій Ѳедоровичъ, какъ можно такъ зло... едва слышно произнесла Наташа. Она видимо обидѣлась.

Гибсонъ подошелъ къ ней и молча протянулъ ей руку, въ которую она все еще недовольная вложила свою.

„Однакоже какъ онъ ее шкочить!“ сказалъ самъ себѣ Рыбинъ, закуривая сигару и располагаясь въ креслѣ.

Затѣмъ всѣ усѣлись вокругъ стола, съ котораго люди успѣли уже убрать остатки завтрака, и докторъ началъ свой разказъ.

V.

Изъ трехъ братьевъ, графовъ Трояновскихъ, старшій, Петръ, служилъ въ гражданской службѣ; средній Александръ и младшій Павелъ были оба гвардейскими офицерами, но Павелъ въ послѣдствіи перемѣнилъ шпагу на перо и теперь былъ уже статсъ-секретаремъ. Съ нимъ Гибсонъ былъ давно знакомъ еще въ Англіи и въ это утро встрѣтилъ его на станціи какъ стараго знакомаго. Они принадлежали къ одной изъ древнѣйшихъ русско-польскихъ фамилій, но наследственное состояніе ихъ, еще весьма значительное при дѣдѣ, очень уменьшилось при жизни ихъ отца, такъ что каждый изъ трехъ братьевъ получалъ по наследству ровно столько чтобы чувствовать себя въ Петербургѣ недостаточно обезпеченнымъ и находящимся въ полной зависимости отъ службы.

Старшій братъ, Петръ, сдѣлалъ хотя и не очень блестящую, но все-таки довольно видную карьеру и будучи уже статскимъ генераломъ и камергеромъ женился на богатой княжнѣ, фрейлицѣ Татьянѣ Алексѣевнѣ Хошанской.

Княжень Хошанскихъ было двѣ сестры. Старшая Татьяна (Тата), вышедшая уже не въ молодыхъ годахъ за графа Петра Трояновскаго, и Марія (Мери), про которую въ семьѣ умалчивали. Никто не смѣлъ въ присутствіи стараго князя Хошанскаго упомянуть имени дочери его Марьи Алексѣевны. Она имѣла неосторожность выйти замужъ за человѣка хотя уже не молодого, лѣтъ сорока, но котораго страстно любила.

Человѣкъ этотъ, Павелъ Алексѣевичъ Лобовъ, хотя очень образованный, носилъ плебейское имя, безчиновный, не состоялъ на службѣ ни при какомъ министерствѣ и управлялъ мѣдно-плавильными заводами князя Хошанскаго гдѣ-то въ Сибири.

— Я могу имѣть нужду въ услугахъ какого-нибудь Лобова, говорилъ старшій князь, — и цѣнить его высоко, даже до пятнадцати тысячъ рублей въ годъ жалованья, но съ женой его не могу быть знакомымъ и принимать ее къ себѣ въ домъ не только какъ родную, но даже какъ знакомую, мнѣ не приходится.

Княжна Татьяна Алексѣевна раздѣляла вполнѣ мнѣніе отца и о сестрѣ никогда не говорила въ обществѣ. Она

знала отъ горничныхъ что Лобовы поселились на какомъ-то заводѣ въ Польшѣ, имѣли единственнаго сына Мишу и проживали себѣ хорошо и безбѣдно, но никогда и никому не признавалась она что слухи о сестрѣ доходили до нея. Даже съ отцомъ она никогда не говорила о сестрѣ, хотя ей было хорошо извѣстно что два или три раза въ годъ старый князь получалъ письма отъ опальной дочери, но отвѣчалъ ли онъ на эти письма или нѣтъ, она никакъ не могла узнать.

Женщина гордая и надменная, отъ природы не гаулая, но только свѣтски образованная и уродливо воспитанная, Тата, будучи уже тридцати лѣтъ, торжественно взшла молодою графиней въ домъ небогатаго мужа, съ претензіями самаго завоевательнаго характера. Начиная съ мужа все состояло въ ея безусловномъ повиновеніи. И нельзя было сказать чтобы такая тираннія ея была слѣдствіемъ какой-либо принятой, обдуманной ею системы, чтобы она входила въ ея разчеты и было результатомъ ясно очерченнаго плана дѣйствій. Нисколько. Тата деспотически новелѣвала въ домѣ, какъ птички поютъ, по естеству своему. Это становилось само собой, потому что на ея сторонѣ были главные элементы дающіе въ семействѣ власть: деньги и всегдашняя готовность поднимать семейную драму хотя бы изъ самыхъ пустяковъ, да еще способность ллать нескончаемою воркотней, надоѣдливою какъ жужжаніе комара.

Графъ Петръ Павловичъ, супругъ ея, литалъ къ семейнымъ драмамъ, такъ-называемымъ исторіямъ, не только отвращеніе, но какой-то непреодолимый ужасъ, а воркотня производила на него ощущение зубной боли; напротивъ того, графиня Татьяна Алексѣевна находила въ нихъ какое-то особое удовольствіе.

Все служило предлогомъ къ исторіи и къ лишенію, даже заботы о пользахъ мужа и дѣтей. Надо было видѣть съ какимъ ожесточеніемъ преслѣдовала она, напримѣръ, попытки мужа прикурнуть немного послѣ хорошаго обѣда. Кто-то сказалъ ей на несчастіе графа Петра что отъ послѣобѣденнаго сна толстѣють. Съ той минуты каждый вечеръ систематически производились послѣобѣденныя терзанія мужа.

— Ріегге, не спи! повторяла она каждыя пять минутъ. Бѣдный Ріегге давно уже уловчился спать сидя въ креслѣ, чуть не съ открытыми глазами, такъ что глядя со стороны никто и не догадается что человѣкъ спитъ; но ровное дыханіе выдавало его.

Чуткое ухо Татьяны Алексѣевны немедленно докладывало ей что мужъ дышетъ во снѣ.

— Рѣгге, не дыши! громкимъ, визгливымъ голосомъ возглашала неумолимая женщина и крикомъ своимъ какъ электрическимъ токомъ поднимала бѣлаго Негра.

Когда поднималась домашняя буря, всѣ были виноваты и всѣмъ доставалось: и мужу, и дѣтямъ, и людямъ, только чужіе не платились за исторію. Съ чужими, не домашними, графиня всегда была по наружности одинаково мила и равно любезна. Свою маску предъ свѣтомъ она носила безупречно, умѣла подавить въ себѣ всякую злобу, зависть, вспыльчивость. За то ужъ дома: всѣ платины долой, маски прочь, никакого принужденія.

Не удивительно что дѣти Татьяны Алексѣевны: Nicolas и Alexandrine, не любили матери, вносившей въ домъ свой вѣчный адъ, и не уважали отца, который не смѣлъ заступиться ни за дѣтей, ни даже за самого себя, а ограничивался молчаливымъ раздѣленіемъ съ нами общихъ страданій. Вмѣстѣ съ тѣмъ они увѣровали что главная задача жизни, то что даетъ преимущество надо всѣми, заключается въ деньгахъ и въ постоянномъ притворствѣ предъ свѣтомъ: платить, агать и вѣчно притворяться—вотъ въ чемъ вся наука жизни. Кто изучилъ эту науку тотъ можетъ безнаказанно дѣлать все что ему угодно.

Черезъ годъ послѣ замужства Татьяны Алексѣевны умеръ старый князь, ея отецъ. Къ необыкновенному изумленію всѣхъ и къ крайнему огорченію графини, оказалось что покойный князь раздѣлялъ огромное состояніе свое поровну между двумя сестрами; опальная дочь получила то же что и хвастная. Лобова поставлена на одну доску съ графиней Трояновской. Правда, къ тому времени самого Лобова уже не было, онъ умеръ какъ-то случайно, убитый машиной, но вдова его была все-таки не болѣе какъ госпожа Лобова, наложившая своею постыдною mesalliance неизгладимое пятно на княжескій домъ Хошанскихъ, и этой-то женщиной, которая живетъ гдѣ-то въ глуши и не будетъ знать что дѣлать съ богатствомъ, надо было отдать половину всего состоянія.

Въ 1875 году графиня Татьяна Алексѣевна умерла отъ разрыва сердца, и тогда сестра ея Мери, вдова Лобова, пріѣхала въ Петербургъ и была не только ласково принята зятемъ своимъ, графомъ Петромъ Павловичемъ, но даже поселилась въ его домѣ.

Мери Лобова была настолько же сердечна, добра, всегда ласкова и привѣтлива, насколько покойница Тата была невыносима, вспыльчива и надменна. Она тотчасъ же сошлась съ графиней Alexandrine, которой было тогда семнадцать лѣтъ, и примѣромъ своимъ, а также мягкимъ, ласковымъ обращеніемъ успѣла не только уничтожить въ дѣвочкѣ все дурное, привитое ей матерью, но и развить тѣ добрыя природныя качества которыя она унаслѣдовала отъ отца.

Такія рѣзкія нравственныя перерожденія, въ особенности въ молодыхъ людяхъ семнадцати лѣтъ, никогда не проходятъ даромъ. Послѣ нихъ остается въ душѣ или усталость, какъ послѣ усиленной работы, называемая *anémie*, или проявляется особенная восторженность, которую привыкли называть *сентиментальностью*.

Первая стала удѣломъ ограниченаго графа Nicolas, послѣднее постигло молодую графиню.

Къ несчастію, Мери Лобова не вынесла гнилой зимы, бывшей въ Петербургѣ въ семьдесятъ шестомъ году, и со вскрытіемъ Невы весной семьдесятъ седьмаго года умерла отъ воспаления легкихъ на рукахъ убитой горемъ Александры Петровны.

Сынъ ея, Михаилъ Павловичъ, остался послѣ смерти отца трехлѣтнимъ мальчишкой на рукахъ матери которая воспитала его богобоязненнымъ, скромнымъ юношей до четырнадцатилѣтняго возраста, то-есть до шестьдесятъ четвертаго года, когда пошла бродить по Россіи новыя завиральныя идеи. Она отдала его сперва въ реальное какое-то училище, а потомъ въ Технологическій Институтъ, гдѣ онъ безъ сомнѣнія и приобрѣлъ тѣ правила и мысли которыми отащался въ настоящее время.

Все это разказалъ докторъ своимъ друзьямъ, знакомя ихъ съ семействомъ графа Трояновскаго; не могъ онъ только разказать, потому что и самъ не зналъ какимъ психологическимъ путемъ превратился Михаилъ Лобовъ изъ богобоязливаго и скромнаго юноши въ „сознательнаго реалиста“, какъ онъ самъ называлъ свое нынѣшнее настроеніе. Онъ обожалъ мать свою до фанатизма; въ ней видѣлъ соединеніе всѣхъ совершенствъ, всего прекраснаго, высокаго, достойнаго любви, и понять не могъ какъ могли существовать люди подобныя княжнѣ Татьянѣ Алексѣевнѣ, которая не только не любила сестру свою, но еще преслѣдовала ее своею ненавистью,

даже и тогда когда перестала носить имя Хошанской и сдѣлалась графиней Трояновской. Будучи еще въ реальномъ училищѣ, Лобовъ понялъ что мать его страдала не въ искупленіе какого-либо грѣха съ ея стороны, а только благодаря дурно понятой гордости со стороны чванливой аристократки, и потому возненавидѣлъ и тетку и все сословіе къ которому она принадлежала, всю по его заключенію надутую и пустую аристократію. Отъ фанатической ненависти къ высшему сословію до идеи о равенствѣ и коммунизмѣ недалеко. Остальное довершилъ Технологическій Институтъ. Незамѣтно для него самого вовлеченъ былъ Лобовъ въ такъ-называемую революціонную партію и хотя не принадлежалъ еще ни къ террористамъ, ни къ боевой дружинѣ, но уже ревностно исполнялъ всѣ распоряженія получаемыя чрезъ извѣстныхъ лицъ отъ исполнительнаго комитета и большую часть состоянія своего отдалъ на усиленіе революціоннаго фонда.

Еще менѣе догадывался добродушный докторъ объ отношеніяхъ Лобова къ Еленѣ, а между тѣмъ этихъ отношеній уже нельзя было разорвать. Шагъ за шагомъ, съ необыкновенною осторожностью, втягивалъ Лобовъ и Елену въ свою дѣятельность и наконецъ увлекъ и залуталъ ее такъ что молодая дѣвушка, сама того не зная, очутилась въ числѣ членовъ революціонной партіи. Не принимала она конечно участія въ собраніяхъ революціонеровъ, не знала даже никого изъ нихъ лично, кромѣ Лобова; но находилась уже во власти партіи, содѣйствовала ей и даже, къ собственному удивленію, исполняла распоряженія такъ-называемаго исполнительнаго комитета. И сегодня, уходя съ графиней, она слышала исполнить одно изъ такихъ порученій. Сожженная ею въ это утро записка гласила слѣдующее:

„Въ три съ половиною часа будетъ Павелъ Трояновскій въ Укромномъ, прямо изъ Петергофа. Если портфель съ нимъ, надо добыть изъ него бумагу за № 835; поручается вамъ, такъ какъ вы будете на мѣстѣ. Записку эту уничтожьте немедленно по прочтеніи. За отвѣтомъ явится посланный къ калиткѣ вашего сада въ восемь часовъ вечера“. Въмѣсто подписи стоялъ штемпель изъ двухъ скрещенныхъ топоровъ.

Домъ гдѣ жилъ графъ Петръ Павловичъ Трояновскій съ дочерью и сыномъ въ имѣніи Укромномъ принадлежалъ покойной Татьянѣ Алексѣевнѣ и перешелъ по смерти ея

во владѣніе графини Александры Петровны, подъ опекой отца.

Въ Укромномъ жило все семейство каждое лѣто съ половины мая до половины октября.

Къ большой дорогѣ примыкала желѣзная рѣшетка съ кирпичнымъ цоколемъ и кирпичными столбами. Она отдѣляла отъ дороги довольно большой шоссированный дворъ, обстроенный съ трехъ сторонъ отдѣльными каменными флигелями. Главный корпусъ, большой двухъэтажный, гдѣ помѣщалось графское семейство, былъ параллеленъ рѣшеткѣ и дорогѣ; два другіе боковые флигеля, тоже каменные, но одноэтажные, составляли съ главнымъ корпусомъ букву П. Одинъ конецъ ихъ выходилъ на дорогу, а другой достигалъ только до половины всей ширины двора. Одинъ изъ флигелей, гдѣ была кухня и людскія, соединялся съ главнымъ корпусомъ крытою деревянною галлереей; а другой—каменнымъ высокимъ заборомъ—съ воротами ведущими на задній дворъ, гдѣ были конюшни, сараи, баня и другія службы. По концамъ рѣшетки почти у самыхъ боковыхъ флигелей было двое желѣзныхъ рѣшетчатыхъ воротъ. Подъѣзжали къ главному корпусу по аппарели. Надъ главнымъ входомъ былъ большой балконъ во второмъ этажѣ. Онъ опирался наружною стороною на каменную колоннаду. Между ею и наружною стѣною дома и была та аппарель, на которую надо было подняться чтобы подѣхать къ главному входу.

Главная входная дверь со внутреннимъ тамбуромъ, обитымъ сукномъ, вела въ обширный вестибюль, гдѣ всегда можно было встрѣтить стараго заслуженнаго швейцара, бывшаго крѣпостнаго князей Хошанскихъ, носившаго странное, рѣдкое имя: Помпей Аполлосычъ. Всѣ знакомые графа знали его имя и съ уваженіемъ относились къ старику. Изъ вестибюля дверь направо вела въ комнаты нижняго, или перваго этажа, занятыя графинею Александрою Петровною, а другая, направо, въ квартиру молодаго графа Николая Петровича. Позади ряда этихъ комнатъ перваго этажа, выходящихъ окнами на дворъ, шелъ по всей длинѣ дома довольно широкій корридоръ; онъ начинался съ обѣихъ сторонъ вестибюля. За корридоромъ еще рядъ такихъ же комнатъ окнами въ садъ. Въ каждую изъ нихъ вела особая дверь изъ корридора. Комнаты эти отдавались прѣзжающимъ гостямъ и меблированы были какъ комнаты гостиницы. Широкая парадная лѣстница въ два хода, украшенная тропическими растеніями, вела

изъ вѣстибюля на площадку верхняго этажа и выходила къ двери на балконъ, заставленный тоже цвѣтами и покрытый тентомъ. Въ верхнемъ этажѣ внутренняго корридора не было. Въ немъ съ одной стороны, надъ половиной молодой графини, были приемныя, парадныя комнаты и большая столовая съ буфетомъ; съ другой библіотека и комнаты заняты графомъ Петромъ Павловичемъ. На его половинѣ и обѣдало семейство, если немного было гостей. Въ другомъ изъ боковыхъ флигелей помѣщалась контора и квартира управляющаго имѣніемъ. Тутъ же отведена была комната для Михаила Павловича Лобова, на случай прїѣзда его изъ Петербурга.

— Былъ четвертый часъ въ началѣ, солнце зашло уже за большой домъ, такъ что фасадъ его обращенный на дворъ былъ въ тѣни. За то ярко освѣщался солнечными лучами кухонный флигель. Все отдыхало послѣ жаркихъ полуденныхъ часовъ. Не слышно было ни людскихъ голосовъ, ни скрипа повозокъ, ничего такого чтò въ часы болѣе ранніе оживаетъ окрестность барскаго дома. Ясно доносилось жужжанье пчелъ, жуковъ и большихъ мухъ, сновавшихъ въ жаркомъ, совершенно безвѣтренномъ воздухѣ, въ которомъ тихо носились длинныя нити бѣлой, какъ хлопчатая бумага паутины. Только частые, какъ барабанная дробь, удары ножей, рубящихъ мясо, раздавались по двору изъ кухни...

Въ окнахъ нижняго этажа сторы были спущены, хотя самыя окна по большей части отворены. Въ одной изъ этихъ комнатъ съ лѣвой стороны вѣстибюля, небольшой, но уютной, убранн ой мягкой мебелью, обитой свѣтло-голубымъ ситцемъ съ синими крупными узорами и цвѣтами, лежала на кушеткѣ молодая графиня. Около нея, на маленькомъ столикѣ, положена была ярко-зеленымъ переплетомъ кверху, раскрытая книга и на ней костяной бѣлый ножъ для разрѣзыванія листовъ. Рядомъ съ книгой стоялъ стаканъ съ молокомъ на серебряномъ кругломъ подносикѣ. Графинѣ предписано было выпивать въ теченіе дня не менѣе четырехъ стакановъ молока съ коньякомъ. Предъ столикомъ, спинкой къ окнамъ поставлено было мягкое, большое кресло. У окна сидѣла Елена Трофимовна Рыбина и вышивала шерстью по канвѣ что-то вѣроятно оченъ длинное, такъ какъ пальцы, лежа однимъ концомъ на подоконникѣ, доходили другимъ концомъ почти до кресла. Между кресломъ и карточнымъ столомъ, на кото-

ромъ лежалъ конецъ плаетъ, оставался только небольшой свободный проходъ. Молодая графиня лежа на кушеткѣ занималась полировкой своихъ блѣдныхъ длинныхъ ногтей и перечисляла, по просьбѣ Елены, имена всѣхъ ожидаемыхъ къ сегодняшнему обѣду гостей.

Послѣ каждаго имени Елена дѣлала свои замѣчанія насчетъ названной личности, явно стараясь какъ можно долѣе затянуть разговоръ. Она часто поглядывала на письменный столъ, гдѣ между множествомъ разныхъ бездѣлушекъ стояли небольшіе бронзовые часы. Было три часа двадцать минутъ.

— Еще будетъ князь Суздальскій, продолжала перечислять графиня.

— Скажите, какъ онъ приходится вамъ? спросила Елена, — я никогда не могла понять его, когда онъ принимается разказывать мнѣ объ этомъ родствѣ.

— Весьма дальній, какъ говорится седьмая вода на киселѣ; но онъ, какъ вы знаете, очень близкій и хорошій нашъ знакомый еще со времени покойницы татаи.

— Да? разсѣянно отвѣчала Елена.

— Какъ вы странно сказали, *Hélène*, это *да!* Какъ будто и не знаете совсѣмъ Анатоля Николаевича и того что въ домѣ нашемъ онъ принятъ совсѣмъ какъ родной. Вы должны бы кажется, *chère Hélène*, знать его лучше насъ всѣхъ, *son attachement pour vous est très sérieux*.

— Вы слишкомъ хорошаго мнѣнія о людяхъ, отвѣчала Елена.

Сказавъ это, она воткнула иглу съ продѣтою въ нее шерстянкой въ канву, встала и подняла стору до половины окна, какъ будто ей показалось темно или душно.

— Здѣсь воздуху мало, замѣтила она, — душно, а вамъ, графиня, нуженъ воздухъ.

— *Merci*, отвѣчала *Alexandrine*. — Отчего же, продолжала она, — полагаете вы, *Hélène*, что я высказываю слишкомъ хорошее мнѣніе о людяхъ, когда говорю о серьезной привязанности къ вамъ Суздальскаго? Не я одна такого мнѣнія. Вы должны помнить что *cousin Michel* изъ ревности къ Суздальскому чуть не надѣлалъ ему самыхъ неприличныхъ исторій.

— Вашъ *cousin* Лобовъ часто бываетъ грубъ и докучливъ, отвѣтила Елена и бросила тревожный взглядъ на часы. Не доставало двухъ минутъ до половины четвертаго.

— А Анкосовъ будетъ? спросила Елена, хотя ей очень хорошо было извѣстно что онъ будетъ.

— По крайней мѣрѣ обѣщала быть, отвѣтила графиня. — Ну, а объ этомъ что скажете, *chère Hélène*? и едва замѣтная краска выступила на щекахъ дѣвушки при этомъ вопросѣ. Но Елена была до того разсѣяна, хотя и желала казаться спокойною, что не разслышала вопроса графини, или, лучше сказать, не придала ему надлежащаго смысла и молча глядѣла въ окно.

Водворившееся молчаніе вывело ее изъ забывчивости; она взглянула на *Alexandrine* и сейчасъ же догадалась что та замѣтила ее озабоченность и удивляется ея разсѣянности.

„Надо уничтожить въ ней всякое подозрѣніе“, подумала она, „но дѣло уже испорчено; она замѣтила. Приходится сознаться что у меня есть особая забота, но какая же? Надо сочинить что-нибудь...“

И Елена, обратя лицо къ графинѣ, самымъ сердечнымъ тономъ выговорила:

— Извините, *chère Alexandrine*, что я замолчала, но у меня лежитъ на сердцѣ тяжкая забота о судьбѣ старика отца моего, и я невольно задумалась.

— Что такое—скажите скорѣе, подумаемъ вмѣстѣ. Что случилось съ дорогимъ Трофимомъ Григорьевичемъ? Отчего не говорили вы мнѣ до сихъ поръ объ этомъ ни слова?

— Видите ли, сказала Елена,—у нихъ тамъ есть положеніе что когда доктору стукнетъ шестьдесятъ, онъ долженъ оставить службу. Даютъ, правда, при этомъ какой-то пенсіонъ, но вѣдь съ пенсіономъ далеко не уѣдешь, его не хватить для жизни въ Петербургѣ. Отцу будетъ шестьдесятъ лѣтъ въ октябрѣ. *Mais comme il y a toujours des accommodements avec le diable*, такъ и въ этомъ случаѣ. Говорятъ, можно сдѣлаться членомъ какого-то врачебнаго комитета или совѣта, не знаю право какъ онъ называется, и сохранить то что получаешь на службѣ. Никакихъ связей у отца нѣтъ, просить некого. Я и думала нельзя ли будетъ воспользоваться прїездомъ въ Укронное дяди вашего графа Павла Павловича и Анкосова чтобы просить ихъ обоихъ дохлопотать у кого тамъ нужно о назначеніи палы въ этотъ благотѣльный комитетъ или совѣтъ. Какъ вы заговорили объ Анкосовѣ, я сейчасъ вспомнила о комитетѣ и заумалась.

— И прекрасно, я помогу вамъ, *chère Hélène*. Анкосову я скажу сама или во время обѣда, или послѣ, а дядю мы

обрабатываемъ вмѣстѣ. Или нѣтъ, погодите, не такъ. Лучше вы одѣлѣ попросите его, васъ онъ скорѣе послушаетъ.

„Хорошо что догадалась“, промелькнуло въ головѣ Елены.
— На меня, какъ вы знаете, продолжала графиня,—онъ не обращаетъ никакого вниманія. Il n'aime que la beauté, mon très aimable oncle. Il ne saurait vous refuser.

Елена бросила нетерпѣливый взглядъ на часы, стрѣлка перешла уже шесть минутъ за половину.

— Ото всего сердца благодарю васъ, графиня, за доброе ваше расположеніе. Я воспользуюсь имъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ что мнѣ самой за обѣдомъ невозможно будетъ сегодня ни съ кѣмъ переговаривать. Я должна шалропаровать мою дорогую гостью. Если и теперь я у васъ, а не съ нею, такъ это потому только что вашъ палатъ теперь сидитъ у Гибсоновъ.

— Какая славная дѣвушка эта Natalie Алларовъ, она мнѣ очень, очень понравилась. Вотъ должно-быть прекрасное сердце... начала говорить графиня съ такимъ одушевленіемъ что даже спустила ноги съ кушетки и сѣла.

„La voilà lancée pour longtemps“, сказала сама себѣ Елена и уже не сводила глазъ съ окна.

И дѣйствительно, графиня долго говорила о качествахъ Наташи.

— Votre oncle arrive, вдругъ объявила Елена завидя въѣзжающую во дворъ коляску,—dans toute sa gloriole ministerielle: mais voyez donc, quel étalage de crachats, cordons, décorations; il est splendide, votre oncle.

Коляска быстро подкатывала къ крыльцу мимо открытаго окна, у котораго уже стояла Елена.

— Здравствуйте, Елена Трофимовна! крикнулъ графъ подъ шумъ колесъ.— Можно къ Alexandrine?

Елена не отвѣчала, а обернулась спокойно и не торопясь къ графинѣ.

— Дядя вашъ спрашиваетъ можетъ ли зайти къ вамъ?

— Очень рада, вотъ и кстати. Я поговорю съ нимъ немного и выйду. Вы тогда, Hélène, и попросите его о палатѣ, чтобы дѣло не откладывалось.

— Такъ я скажу графу чтобъ онъ пришелъ сюда, сказала Елена и бросилась къ вестибюлю.

* Во всемъ своемъ макистерскомъ величіи; посмотрите какаа выставка звѣздъ, земтъ, украшеній; охъ великолѣпнѣе, вашъ дядюшка.

Не успѣла она перебѣжать приемную комнату отдѣляющую кабинетъ, гдѣ обѣ дѣвушки сидѣли, отъ вестибюля, какъ графъ Павелъ Павловичъ входилъ уже въ открываемую Помпеемъ Аполлосычемъ дверь. Они встрѣтились у порога.

Сіяющій звѣздами и красною лентой поверхъ ярко бѣлаго жилета, графъ несъ въ лѣвой рукѣ цилиндръ свой и портфель, а правую поправляя прическу довольно рѣдкихъ волосъ и крутилъ концы большихъ, но тоже сильно свѣдущихъ бакенбардъ.

— *Bonjour, adorable mlle Hélène*, сказалъ онъ протягивая свободную руку Еленѣ;— *jolie comme toujours!*

И онъ не выпускалъ ея руки.

— *Poli et aimable comme toujours*, отвѣтила Елена не отнимая руки.

Неизвѣстно почему они остановились посреди комнаты.

Онъ разсматривалъ ее съ видомъ знатока, какъ будто отъ него требовали опредѣлить ей цѣну; а она смотрѣла на него дерзкимъ, вызывающимъ взглядомъ.

— *Que vous êtes charmante!* шепталъ онъ ей страстнымъ голосомъ.

— *Si votre ramage*

Se rapporte à votre plumage,

кажется дальше такъ? смѣясь прервала его Елена.—*Пойдемте, васъ ждетъ графиня.*

И она вырвала наконецъ свою ручку, которую графъ успѣлъ-таки прижать къ губамъ.

Взволнованный вошелъ онъ вслѣдъ за Еленой въ кабинетъ, какъ-то разсѣянно поздоровался съ графиней и не внимая ея отвѣтамъ началъ спрашивать ее о здоровьѣ, о лѣкарствахъ которыя она принимаетъ; о прогулкахъ и моціонѣ. Говоря, подошелъ къ пальцамъ и положилъ на вышивку портфель, а на портфель шляпу.

— Садитесь сюда, дядюшка, сказала графиня указывая на кресло стоявшее предъ маленькимъ столикомъ.

Когда графъ сѣлъ на кресло, онъ оказался почти спиной къ пальцамъ.

Вѣроятно затрудняясь съ чего начать разговоръ и желая скрыть свое волненіе, онъ взялъ книгу лежавшую на столикѣ и посмотрѣлъ ея заглавіе.

— Никакъ не ожидалъ я, *Alexandrine*, чтобы вы читали русскую книгу, сказалъ онъ.—*Это интересноеть васъ?*

— И очень, отчего вы удивились?

— Да какъ-то не привыкъ видѣть чтобы молодая русская графиня читала что-нибудь кромѣ французскихъ и англійскихъ романовъ.

Разговоръ между дядей и племянницей шелъ довольно вяло съ обѣихъ сторонъ. Елена сѣла олять за пяльцы, и такъ какъ на вышивкѣ лежалъ портфель и на немъ шляпа, то она вынуждена была снять и то и другое.

Зоркіе глаза ея увидали что въ крышку портфеля продѣтъ черныи суорокъ и на концѣ его ключикъ отъ замка. Изъ любопытства она попробовала даже не отворяется ли крышка просто безъ ключа; оказалось что нѣтъ. Портфель положила она на конецъ пялецъ ближайшій къ окну, причеиъ прикрыла его будто невзначай мотками шерсти.

Въ эту минуту графъ, которому хотѣлось говорить съ ней, а не съ племянницей, обратился къ ней съ вопросомъ. Завязался общій разговоръ, въ теченіе котораго еще нѣсколько мотковъ шерсти легли на портфель; на него же, вѣроятно по разсѣянности, положенъ былъ и носовой платокъ.

— Графъ, *soyez si bon*, дайте мнѣ эту высокую корзиночку съ шерстью, она недалеко отъ васъ, попросила Елена.

Корзиночка съ шерстью, учтиво переданная графомъ, поставлена была такъ что окончательно заслонила собой портфель, который утонулъ подъ массой шерсти всѣхъ возможныхъ отѣнковъ.

Шляпа осталась на самомъ видномъ мѣствѣ у конца пялецъ ближайшаго къ графу.

— Вы такъ парадны сегодня, говорила графиня, — вѣроятно были въ Петергофѣ?

— Да, прямо оттуда, не успѣлъ и переодѣться.

— Надѣюсь, дядя, что вы привезли съ собой ваше платье и останетесь у насъ нѣсколько дней.

— Съ этимъ злымъ намѣреніемъ надождать вамъ я и приѣхалъ, отвѣчалъ графъ, многозначительно взглянувъ на Елену, которая въ то время преусердно передвигала иглоку вверхъ и внизъ канвы. — Думаю отдохнуть у васъ до вечера завтра и подышать немного чистымъ воздухомъ послѣ духоты невозможнаго въ эту пору Петербурга. Со мной мой Василій, а курьера я отправилъ съ дѣлами и портфелемъ въ министерство.

Елена чуть не вскрикнула и продѣла иглоку не въ надеждающую дырочку канвы.

— И вы не боитесь, сказала Alexandrine, — отправлять такъ съ курьеромъ дѣла доложенныя Государю. Вотъ разказываютъ что на дняхъ какой-то именно курьеръ одного изъ министерствъ оказался социалистомъ и сообщалъ куда-то бумаги изъ кабинета министра. Не вашъ ли, дядя?

— Не вѣрьте, милая Alexandrine, всеѣмъ *contes bleus* которыя разказываютъ по городу, это вопервыхъ; а вовторыхъ, у меня никогда и ничего не украдутъ и отъ меня ничего не узнаютъ. Если социалисты на выдумки хитры, то вѣдь и я... *je ne suis pas tombé sur la tête en naissant.* * Секретныя бумаги всегда со мной.

— Нелѣне, бросьте вы вашу работу, садитесь съ нами, сказала графиня.

— Вы чего-нибудь боитесь, Елена Трофимовна, добавилъ Павелъ Павловичъ, — что такъ удалились отъ насъ?

Елена подумала и отвѣчала:

— Боюсь вашего официальнаго вида, графъ. *Vous êtes trop ministre ce matin.*

— Да вы бы, дядя, переодѣлись и воротились сюда къ намъ. Никого нѣтъ дома. Палъ отправился съ визитомъ, а потому хотѣлъ завернуть на желѣзную дорожку чтобы встрѣтить тетю Марью Федотовну съ кузиной. Онѣ должны приѣхать съ поѣздомъ въ четыре съ половиной; значить ранѣе положены шестаго ихъ ожидать нельзя.

— Очень и очень охотно, а вы меня подождите. Я живо перейду изъ страшнаго для васъ, Елена Трофимовна, министра въ форму... вашего покорнаго обожателя, сказалъ графъ вставая съ кресла и подходя къ пальямъ.

Въ эту минуту Елена тоже приподнялась и сильно нагнулась туловищемъ въ сторону графа чтобы поймать наперстокъ соскользнувшій съ ея пальца и покотившійся по канвѣ. Боковой свѣтъ отъ окна отбѣивалъ лодъ кисеи въ окрестности ея плечь и груди. Эта прозрачная ткань такъ и мутила воображеніе графа.

— Черезъ пять минутъ буду здѣсь, сказалъ онъ захвативъ шляпу. — Но вы подождете меня, Нелѣне? прибавилъ онъ шепотомъ, наклонясь къ пальямъ какъ бы разсматривая ближе работу.

* То вѣдь и меня мамка же ушибла.

Елена не отвѣчала.

Онъ выпрямился, протянулъ ей руку и пожалъ ей пальчики, страстно глядя въ ея лицо.

Она молчала, покраснѣла и опустивъ глаза отвѣчала легкимъ, едва-едва замѣтнымъ пожатіемъ его руки. Кровь бросилась въ лицо графа; какъ ольганный вышелъ онъ торопливо изъ комнаты.

О портфель съ секретными бумагами забылъ статсъ-секретарь, да и не до портфеля было ему въ ту минуту.

Онъ гоголемъ шелъ за Помпеемъ Аполлосычемъ, который провожалъ его сіятельство въ отведенныя для него комнаты. „Affaire de temps“, будетъ моею“, ободрялъ самъ себя охотный ловелась.

„Теперь какъ бы эту выпроводить“, думала со своей стороны Елена, бросая нетерпѣливый взглядъ на графиню. „Да просто скажу ей чтобъ оставила меня одну, съ ней лучше все напрямки, она вѣдь честная такая...“

Но ей не пришлось ни сочинять лжи, ни говорить правды. Сама графиня, вставъ съ кушетки и взявъ зонтикъ, объявила, что пойдетъ въ садъ и побудетъ тамъ чтобы дать Еленѣ время переговорить съ графомъ.

Пока она переходила прѣмную, Елена нетерпѣливымъ взоромъ слѣдила за графиней, потомъ быстро подскочила къ окну, какъ могла скорѣе спустила стору, и торопливо, судорожно выдернула изъ-подъ шерсти портфель, не замѣтивъ даже что нѣсколько клубковъ упали при этомъ на полъ; затѣмъ, прислушиваясь къ малѣйшему шороху, блѣдная, съ безлокойнымъ взоромъ и дрожащими отъ волненія руками отперла каючикомъ портфель и начала не вынимая изъ него бумагъ перебирать ихъ, но никакъ не могла напастъ на бумагу за № 835.

Колѣна ея дрожали, она не могла устоять на ногахъ, свѣтъ и съ какимъ-то лихорадочнымъ ожесточеніемъ вынула всѣ бумаги изъ портфеля, положила ихъ къ себѣ на колѣни, а пустой портфель на пальцы и начала перебирать шитыя дѣла и бумаги какъ они слѣдовали одна за другой.

— *Дѣло о надворномъ совѣтникѣ...* читала она на оберткѣ, — не то. *Дѣло о сокращеніи штата канцеляріи...* не то. *Дѣло о*

* Дѣло времени.

награды чиновникамъ... Да гдѣ же она наконецъ? *Донесеніа Намѣстника Кавказскаго...* опять не то.

Затѣмъ начались отдѣльныя бумаги, въ заголовкѣ которыхъ стояли крупныя буквы.

— *Всеподданнѣйшій докладъ о...* все не то. Да когда же это будетъ?!.. шептала въ страшномъ волненіи Елена и читала лихорадочными глазами:—*Сводъ мѣсяцъ министровъ о проектѣ законовъ...* Да гдѣ же эта бумага? Чортъ побери этихъ министровъ съ ихъ мѣсяцами! Это еще что?

Въ листѣ бѣлой бумаги, на которомъ было написано карандашемъ: „в. секретно“, лежалъ другой листъ синей бумаги и въ синемъ листѣ тетрадь.

Вотъ, вотъ оно должно-быть, но гдѣ же № 835? Онъ долженъ быть на отдѣльномъ листѣ, иначе не могли бы приказать взять только эту бумагу.

Она подняла торопливо тетрадь кверху за край, изъ нея выпали три листа и на одномъ изъ нихъ стоялъ № 835, а сбоку: „Высочайше утверждено.“ Подпись неразборчива. Кровь бросилась Еленѣ въ голову, руки сдвинулись вдругъ изъ холодныхъ горячими. Быстро, но аккуратно уложила она бумаги въ портфель, заперла его и бросила на конецъ пальца на самомъ виду, тамъ гдѣ стояла прежде шляпа. Взятую бумагу сложила вчетверо и всунула въ карманъ. Затѣмъ, успокоенная, сѣла въ кресло, облокотилась на пальцы правою рукой, подперла ею голову и глубоко задумалась.

— Какая я подлая! говорилъ ей внутренній голосъ,—графиня... Наташа... у нихъ все часто, открыто, а у меня... все грязь. Но обѣ онѣ богаты, будущность ихъ обезпечена, а у меня ни гроша и впереди ничего. Надо самой все составить, а какъ это сдѣлать? Она говоритъ про Суздальскаго: *attachement sérieux*. Знаю я эти *attachements sérieux*! А все толкуютъ о нравственности! Готовы купить меня какъ покупаютъ лошадь, а сами кричатъ о добродѣтели. Будьте добродѣтельными! легко сказать. Нѣтъ, я глубоко презираю людей и ненавижу добродѣтель, всюю кровью моею ненавижу ихъ, этихъ добродѣтельныхъ графинь и Наташъ. Въ одномъ только человѣкѣ мнѣ правится честность и чистота. Отдайте мнѣ его; пусть онъ полюбитъ меня, увезетъ меня отсюда въ новый міръ, въ другое общество, и тогда посмотрите чѣмъ я буду! Любозавѣ этого человѣка очистить, переродить меня. Я начну

новую жизнь, чистую какъ кристаллъ. Господи, еслибъ это было возможно!

Слезы показались на глазахъ Елены, но мысли ея неслись неудержимо, какимъ-то вихремъ...—Пока ея здѣсь не было, онъ занимался мною, часто бывалъ у насъ. Какъ онъ былъ добръ ко мнѣ, даже ласковъ! да, ласковъ; а для него это много: онъ такой серьезный. Сколько вечеровъ мы проговорили съ нимъ и какъ я была счастлива! А теперь, съ тѣхъ поръ какъ она пріѣхала, я его почти не вижу. Надо скорѣе спровадить эту проклятую Индианку.

— О чемъ эта милая головка задумалась? вдругъ услышала она надъ собой мягкій, нѣжный голосъ.

Она и не замѣтила какъ графъ Павелъ Павловичъ вошелъ въ комнату. Толстые ковры сдѣлали неслышными шаги его.

— Графиня вышла въ садъ и сейчасъ вернется сюда, начала было говорить Елена, но графъ ея не слушалъ.

— Ба! да и слезки на глазахъ, продолжалъ онъ;—скажите, chère enfant, что это съ вами, что васъ безпокоитъ? Не виновата ли я въ чемъ-нибудь, не огорчилъ ли васъ противъ воли? Вы мнѣ все повѣдайте, можетъ-быть я буду въ состоянiи успокоить васъ.

Говоря это графъ обошелъ пляуцы и сталъ совершенно близко къ сидящей въ прежнеемъ положенiи Еленѣ. Онъ наклонился къ ней и подперъ щеку ладонью лѣвой руки, облокотясь на лалку длинныхъ плялецъ. Лицо его чуть не касалось лица дѣвушки.

Елена быстро откинулась немного въ кресло и заговорила, глядя на графа невиннѣйшимъ дѣтскимъ взоромъ:

— Что можетъ быть общаго между вами, графъ, и мной, дочерью бѣднаго, темнаго доктора? Моихъ печалей вамъ не повясть еслибы даже и могли установиться между нами отношенiя... болѣе близкія... болѣе... откровенныя.

Слушая ее, графъ видѣлъ близехонько бѣлую, нѣжную кожу лица, тонкія, голубенькія жилки подъ нею, пухленькую, поддернутую верхнюю губку, которую такъ и хотѣлось прижать между своими губами и хотя не ясное, но все-таки зажитное отъ дыханiя движеніе этихъ мраморныхъ бѣлыхъ волкъ. Какая-то раздражающая нервы теплота и тонкій, свѣжую траву напоминаящій запахъ отдѣлявшійся отъ Елены вмѣстѣ съ запахомъ духовъ, окружали ее какъ бы особою, ей

одной присущею атмосферой насыщенной атомами страсти. Графъ жадно вдыхалъ ее, все болѣе и болѣе пьянѣлъ и почти шепотомъ произносилъ безсвязныя фразы.

— Отъ васъ, *Hélène*, зависитъ все... вы говорите, близкія отношенія между нами... Хорошо! Вы видите, я весь вашъ. Дѣлайте изъ меня что хотите. Скажите мнѣ только одно слово—я раздѣлю съ вами ваши печали. Я такую жизнь устрою вамъ что никакая печаль васъ не коснется.

Елена устремила на графа удивленный взоръ, какъ будто и понять не могла что такое съ нимъ происходитъ. Взглядъ ея въ совершенствѣ выражалъ до какой степени ей были незнакомы и непонятны проявленія страсти и до чего она была невинна и чиста мыслями.

— Садитесь, графъ, возьмите стулъ и сядьте куда-нибудь, такъ право ужасно неловко говорить, сказала наконецъ Елена. Она встала изъ-за пялецъ и сѣла на кушетку, положивъ шитую подушку подъ локоть, на который оперлась полулежа. Изъ-подъ бѣло-розоваго коротенькаго платья выступали двѣ маленькія, высокія въ подъемѣ ножки положенныя одна на другую. Видно было даже надъ ботинками начало розовыхъ шелковыхъ чулокъ и постепенное утолщеніе словно выточенныхъ ногъ.

— Сядьте сюда, графъ, на кресло. *Soyez raisonnable et écoutez-moi de grâce. J'ai une prière, une humble supplique à vous adresser.**

— Красавица вы моя, отвѣчалъ графъ,—неужели я такъ счастливъ что могу быть вамъ въ чемъ-нибудь полезенъ?

— Если только захотите меня выслушать, *comte Paul*.

— Отчего же не просто *Paul*? говорилъ графъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, не спуская глазъ съ ея плеча.

— Въ качествѣ добраго друга пожалуй просто *Paul*.

И она протянула ему свободную лѣвую руку.

Онъ перевернулъ ручку ладонью вверхъ и впился въ нее губами.

— Ну, такъ изволите видѣть, начала опять *Hélène*, отнимая руку,—у меня есть дорогая моему сердцу подруга, ваша знакомая, Наташа Алаяръ.

— *Une demoiselle peu aimable!* возразилъ графъ.

* Будьте разсудительны и выслушайте меня; у меня есть до васъ просьба, покорнѣйшее прошеніе.

— C'est vous qui le dites. Она сирота и fille adoptive Англичанина Гибсона. Этотъ Гибсонъ нашелъ ее гдѣ-то въ Азіи, при обстановкѣ самой...

— Знаю, знакомъ съ нимъ лично и читалъ какую-то переписку о матери и объ отцѣ этой дѣвушки. Тутъ Гибсонъ показалъ себя какъ-то съ отличной стороны.

— Онъ вообще хорошій, отличный человекъ, но онъ—пуританинъ, сказала Елена.

— Нестерлимый ледантъ и скучивѣшій человекъ, добавилъ графъ.

— Вы такъ-таки и думаете: нестерлимый, скучивѣшій человекъ! возразила Елена, лукаво глядя на графа. — Пускай будетъ по вашему, спорить не буду. Для меня важно только одно—чтобъ онъ не испортилъ жизни Natalie, которую я люблю всею душой.

— Да какъ же можетъ онъ испортить ей жизнь когда любить ее какъ родной отецъ?

— Вотъ въ этомъ-то весь секретъ и заключается. Онъ—пуританинъ, а она православная и притомъ очень ревностная. Если англійскій пуританизмъ привить къ ревностной православной, какъ вы думаете, что выйдетъ?..

— Да выйдетъ штука не хорошая, а главное—прескучная, смѣясь отвѣтилъ графъ.

— Выйдетъ неминуемо ханжа или монахиня. Вотъ что ожидаетъ Наташу. Съ ужасомъ вижу я что моя бѣдная Natalie принимаетъ уже какой-то видъ и тонъ матери игуменьи. Вы сами замѣтили qu'elle est peu aimable. Отъ нея скоро будетъ пахнуть воскомъ, слеемъ и киларисомъ. Чтобы спасти Natalie, надо вывести ее изъ-подъ личнаго вліянія Гибсона, надо ей выйти замужъ.

— Вы не имѣете ли, Елена Трофимовна, блистательнаго намѣренія женить меня на Алааровой? спросилъ графъ.

— Нѣтъ, графъ, услокойтесь, для этого я слшкомъ люблю ее, отвѣчала Елена смѣясь.

— Merci pour le compliment.

— Не такую жену вамъ надо; женясь на ней, вы будете любить всѣхъ женщинъ міра сего, кромѣ собственной жены. Она скоро надѣла бы вамъ.

— Я думаю вы правы, Hélène. Если ужъ жениться по любви, такъ я женюсь на васъ и ни на комъ другомъ.

Графъ подвинулся къ куметкѣ и хотѣлъ опереться на спинку ея, у самой головы полулежащей на ней Елены, но она немедленно и быстро подняла локоть съ подушки, сложила руки на груди, подобрала ножки и моментально изобразивъ гордую графиню, какою она современемъ могла бы сдѣлаться, продолжала серьезно:

— Вы, графъ, такими словами не играйте. Я дочь бѣднаго доктора, это правда, но не позволю никому между разными фразами и банальными комплиментами дѣлать мнѣ предложенія похожія на подкупныя обѣщанія, которыхъ конечно ни одной минуты не думаютъ исполнить.

— Но помилуйте, *Hélène*, я былъ далекъ отъ мысли...

— *Brisons là, cher ami*, слушайте меня! Я хоть не много еще жила на свѣтѣ и еще менѣе въ свѣтѣ, но успѣла уже замѣтить что женщины, въ особенности молодыя, отдаются фанатической, безпредѣльной любви къ Творцу только тогда когда сердце ихъ не занято кѣмъ-либо изъ сотворенныхъ. Встрѣтитъ такая экзальтированная, пылкая душа человѣка отвѣчающаго ея идеалу, и она услокаивается, находитъ полное удовлетвореніе своимъ сердечнымъ порывамъ...

— И тогда разумѣется, прервалъ ее графъ,—въ игуменьи не пойдетъ. Я начинаю понимать васъ, милая *Hélène*. Изъ любви къ этой дѣвушкѣ вы желаете обратить ея вниманіе на какого-нибудь джентльмена по вашему выбору и заставить этого джентльмена влюбиться и жениться на Алаяровой.

— Какое удовольствіе имѣть дѣло съ умнымъ человѣкомъ, замѣтила Елена,—понимаетъ съ полуслова. Да, графъ, именно такъ, какъ вы говорите. И выборъ мой сдѣланъ: я думала о знакомомъ вашемъ Анкосовѣ. Человѣкъ этотъ заинтересовываетъ какую-то особенною таинственностью и своимъ всегда блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ. Я знаю *Natalie*. Ея честнѣйшее и добрѣйшее сердце способно заинтересоваться именно человѣкомъ такого вида какъ онъ. Глядя на него, она невольно подумаетъ что это человѣкъ дѣла, тяжкаго труда, строгій исполнитель своихъ обязанностей и такъ далѣе. А это ее заинтересуетъ, и она увлечется имъ.

— Но послушайте, *Hélène*, вѣдь у человѣка этого, сколько я его знаю, вмѣсто сердца вставленъ орденъ Св. Станислава 2й степени съ короной. Штука красивая, но холодная.

— Ошибаетесь, графъ, онъ человѣкъ ищущій, привязчивой души, будетъ отличнымъ, самымъ примѣрнымъ семьяниномъ и составитъ прочное счастье жены.

„Что это значить?“ думалъ въ это время графъ Павелъ Павловичъ, „зачѣмъ ей надо женить Анкосова на Алаяровой? Тутъ кроется что-то, чего я понять еще не могу“, и онъ сказалъ громко:

— Прекрасно, чѣмъ же я-то могу тутъ посодѣйствовать?

— О! очень много и вотъ чѣмъ: Анкосовъ желаетъ быть военнымъ агентомъ при какомъ-нибудь иностранномъ дворѣ. Еслибъ онъ получалъ такое мѣсто, онъ женился бы сейчасъ же; это мнѣ хорошо извѣстно. Вы, другъ мой Paul, знакомы съ тѣми отъ кого выборъ агентовъ можетъ зависѣть и конечно...

— Ага! теперь понимаю, пробурчалъ графъ, — а еслибъ ему ваша Алаярова не приглянулась, то можно на ея мѣсто поставить и другую которая понравится уже навѣрное и которой онъ, Анкосовъ, уже успѣлъ...

— Какъ вы ошибаетесь, мой другъ!.. даю вамъ честное слово что за Анкосова я никогда не вышла бы еслибы даже онъ влюбился въ меня по уши. Онъ такъ же мало годится мнѣ въ мужья какъ Natalie вамъ въ жены, въ доказательство чего я буду просить васъ не только хлопотать о мѣстѣ Анкосову, но и подѣйствовать какъ на него, такъ и на Гибсона чтобы дѣло непременно устроилось.

— Это не такъ легко, Елена Трофимовна. Какъ вы ни увѣряйте меня въ способности Анкосова нѣжно любить, я все-таки остаюсь при томъ убѣжденіи что онъ любитъ только самого себя и все счастье видитъ въ одной карьерѣ.

— Ну и прекрасно, вотъ вамъ петелька за которую можно зацѣпить крючечкомъ. Зацѣпите и тащите. Говорите ему что женитьба на Алаяровой и карьера: *cela fait tout un*, онъ и влюбится. Если человѣкъ такой настойчивый какъ Анкосовъ привяжется къ какой-нибудь идеѣ, то онъ привязывается ко всѣмъ частямъ ея; пусть Natalie будетъ въ глазахъ его непременною частью его карьеры, онъ привяжется и къ ней.

— Знаете, Елена Трофимовна, какъ-то неловко мнѣ затѣвать съ Анкосовымъ подобный, какъ бы назвать это... торгъ что-ли... Онъ человѣкъ самолюбивый, и предложеніе... такое категорическое... покажется ему унизительнымъ.

— Да еще бы вы сказали ему *tout crient*: „хочешь ѣхать агентомъ, напримѣръ, хоть въ Лондонъ? Женись на Алаяровой и поѣдешь.“ Разумѣется онъ обидится. Будьте увѣрены, послѣ такого категорическаго предложенія онъ отка-

жется и отъ женитьбы, и отъ Лондона. Съ нервными людьми надо дѣйствовать осторожно. Надо чтобъ идея о женитьбѣ исходила отъ него самого. Надо только словами и намеками и притомъ неясными, туманными, въ родѣ изреченій гадалщицы, навести его на эту мысль. Скажите ему, *sans mettre les points sur les i*, напрымѣръ, такъ: „Ваше сокровеннѣйшее желаніе исполнится, умѣйте только воспользоваться случаемъ; не ищите его далеко, онъ предъ вашими глазами“. Если въ этотъ моментъ предъ его глазами будетъ Алаярова, будьте увѣрены что эта гаулѣйшая случайность и эта загадочность наведутъ его на мысль что въ ней-то, въ Алаяровой, и заключается вся сила. Таковы ужъ они всѣ, эти нервные, суевѣрные люди. Невольно начнетъ онъ интересоваться секретомъ и дѣвшкой съ которою таинственно связала его судьба. А лишь только онъ ею заинтересуется, *le geste ira de soi-même*.

— Послушайте, *Hélène*, вы, ей Богу, страшная женщина. Еслибы вы сошлись съ тѣмъ змѣемъ который соблазнилъ прародительницу нашу Еву, то навѣрно не онъ васъ, а вы его соблазнили бы.

— Не комплиментовъ и не грубостей я ожидаю отъ васъ, *Raul*; скажите серьезно, вы сдѣлаете то о чемъ я прошу васъ?

— Да скажите, развѣ можно не сдѣлать того чего вы желаете! и притомъ желаете-то вы одного добра ближнему. *C'est tout fait*, мой милый дружокъ.

— *Merci*. Помните только слова которыя ему нужно сказать: „не ищите случая далеко, онъ предъ вашими глазами“.

Елена встала съ кушетки и начала ходить по комнатѣ рядомъ съ графомъ.

— Не находите ли вы, красавица моя, что фраза которую я долженъ сказать Анкосову съ большимъ à propos могла быть примѣнена ко мнѣ? выговорилъ графъ останавливаясь. Глаза его пожирала красивую и лукаво улыбающуюся дѣвшку. Онъ съ трудомъ удерживалъ себя чтобы не обнять ея.

— Вы мнѣ разрѣшите это? добавилъ онъ шепотомъ, наклоняясь къ Еленѣ.

— Можеть-быть, отвѣтила она.

„Что же надо ей еще?“

— Ваша просьба, сказалъ графъ, принудивъ себя казаться болѣе спокойнымъ, — касалась не васъ лично, а вашей подруги. Не изъ-за нея же вы плакали когда я вошелъ въ эту комнату... Вамъ самимъ, лично вамъ я хотѣлъ бы сдѣлаться

необходимымъ, сдѣлать для васъ все, все чего бы вы ни пожелали.

— Извольте, графъ, вотъ вамъ еще случай услужить мнѣ лично, но на этотъ разъ я буду говорить вамъ не отъ одного моего лица, а еще отъ двухъ—графини, вашей племянницы, и старика отца моего.

„Nous y voilà!“ подумалъ графъ, „вотъ post scriptum женскаго письма.“

Елена передала графу сущность просьбы о назначеніи ея отца членомъ совѣта или комитета и добавила что графиня о томъ же попроситъ и Анкосова.

„Нѣтъ, не то!“ подумалъ графъ, „это еще не post scriptum.“

Елена взяла зонтикъ лежавшій на окнѣ, надѣла перчатки и обратясь къ графу:

— До скорого свиданія, сказала она,—не забудьте моей фразы и не измѣняйте въ ней ничего. Напередъ благодарю васъ за дружескую услугу.

Она протянула ему руку.

Онъ началъ цѣловать ее выше перчатки и цѣловалъ все выше и выше, даже выше локтя.

— Будеть, довольно! сказала она наконецъ и улыбаясь вышла изъ комнаты.

Въ вестибюлѣ улыбка ея исчезла, она послѣдно вынула батистовый платокъ изъ кармана и съ ожесточеніемъ терла имъ по рукѣ, на которой горѣли еще жаркіе поцѣлуи стараго селадона.

„Elle finira par ceder“, подумалъ графъ. „Но надо исполнить ея просьбы. Ей, бѣдняжкѣ, кажутся онѣ очень важными; она пока еще не избаловалась и не подозреваетъ что не такими полны мои портфели. А propos, гдѣ же мой?.. да! вотъ онъ...“

Взявъ портфель, графъ вышелъ въ свою очередь.

Когда графиня возвратилась изъ сада, никого въ комнатѣ уже не было. Только передвинутая съ мѣста на мѣсто подушка на кушеткѣ, нѣсколько клубковъ шерсти брошенныхъ на полъ и кресло передвинутое отъ столика къ самой кушеткѣ свидѣтельствовали о томъ что безъ нея происходилъ въ комнатѣ *дѣловой* разговоръ молоденькой дѣвушки просящей за отца своего у человѣка который самъ могъ быть ей отцомъ.

„Это дѣлаетъ ей честь“, подумала графиня.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н. КРЫЖАНОВСКІЙ.